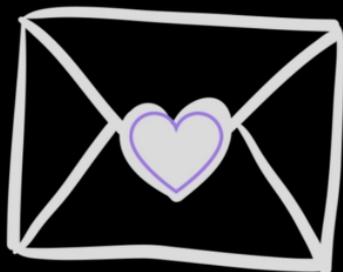

БЫТЬ СВОБОДНЫМ - ЗНАЧИТ, НЕ ЛГАТЬ

КЛЭР ТВИН

О КОМ МОЛЧАЛА
КИТ

16+

Клэр Твин О ком молчала Кит

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=35441736

SelfPub; 2019

Аннотация

Жизнь подростка насыщена яркими красками, но порой, по непредвиденным обстоятельствам, мир теряет свою контрастность. Подобное произошло и с Кит Стеллар – девочкой, у которой подростковая жизнь больше напоминает скучное телешоу, чем прекрасный период юности. Однако, после знакомства с Алексом, который раз и навсегда изменит жизнь главной героини, все меняется. Правда сбивает девушку с ног и заставляет увидеть истину. Но к чему она приведёт? И о ком же всё-таки молчала Кит?

Содержание

От автора	5
Пролог	6
Часть 1. Вселенная всех проблем	7
Глава 1	7
Глава 2	22
Глава 3	43
Глава 4. С днём рождения, Кит	65
Глава 5	91
Конец ознакомительного фрагмента.	117
2	

Любовь бежит от тех, кто гонится за нею, а тем, кто прочь бежит кидается на шею.

Уильям Шекспир «Виндзорские проказницы».

От автора

Здравствуй, мой дорогой гость и друг! Добро пожаловать в мир, где ты сможешь на время забыть о всех своих делах и окунуться в нечто большее, чем просто книга. Это целая жизнь! На сей раз перед тобой история девушки, а точнее момент её непростой подростковой жизни. Кит будет учиться отпускать прошлое, преодолевать страхи и отдаваться чувствам. Надеюсь, вы поняли, что Кит – это главная героиня и виновница истории, не так ли? Или перед вами всплыла картинка млекопитающего из мультфильмов и документальных программ? Было бы неловко.

Посмотрим же вместе как Кит справится с трудностями её жизни.

Предупреждаю: история и персонажи выдуманные! Может, тебе, гость, будут знакомы чувства героини, а может и нет. Или вы поучитесь на ошибках девушки? В любом случае, приятного прочтения!

Пролог

О ком же молчала Кит? И кто она вообще такая? Наверное, какая-нибудь неудачница с кучей комплексов и годовым запасом проблем, нытья и слез... Вообще-то, Кит – это я, и пожалуй, вам придётся иметь со мной дело на протяжении всего рассказа. Итак, с чего бы начать точно? Наверное, с самого начала, думаете вы, однако, моя история начинается с середины жизненного пути американского подростка. Моя семья говорит, что «умственный потенциал ценится дороже золота, а дороже умственного потенциала только лишь воспитание и человечность», и признаться, в чём-то они правы. Вам стоит запомнить эти слова, ибо со мной вы столкнётесь с несправедливостью, с ненавистью, враньём и с кучей другого дерьма. Надеюсь, вы поняли, что этот негатив прольётся на мою голову, а не совсем наоборот? Думаю, вы уже достаточно слышали, и для того чтобы понять всю «соль» стоит посмотреть на мою историю с другого ракурса, а именно – с моего.

Итак, я – Кит Стеллар – и я вам покажу свою историю, свои ошибки, свою боль и свободу.

Начинаем.

Часть 1. Вселенная всех проблем

Глава 1

Когда я отключила в сотый раз будильник, в голову ударили мысли об этом страшном дне. Всеми силами я пыталась изгнать эти дурные предложения в голове, типа «первый учебный день в новой школе», «у тебя нет друзей, ты изгой, ты цель задир», «новые предметы, новые знакомства». Знаете, тогда я испытала ужас и готова была разреветься от безысходности. За окном уже светило сентябрьское солнце, и лучи его тайком пробрались в комнату, пытаюсь найти моё лицо и прокричать прямо в ухо «доброе утро!». Я зарываюсь всем телом под одеяло и протяженно выдыхаю, ибо слышу шаги мамы, которая, судя по всему, идёт ко мне (она ходит очень неаккуратно и громко, отчего порой трясутся стены). Делаю вид, что сплю, но маму не проведёшь, у неё сто процентное чутьё на обман. Она произносит «Кит, ты видела который час?» и стягивает с меня мое обожаемое одеяло со звёздочками. Я вмиг покрываюсь мурашками. Черт, мою любовь отобрали, как теперь жить?! Поднимаю на женщину сонные глаза, но ничего не вижу – картина смазана. Хотя за столько лет мне уже пора к этому привыкнуть. Дело в том, что у меня плохое зрение – близорукость – левый глаз -6,5,

правый -7. Раньше меня это до чёртиков пугало, но теперь этот изъян часть моей жизни, часть меня. Плохое зрение порой бывает кстати – видишь человека, который раздражает тебя и снимаешь очки, игнорируя и человека и весь мир в целом; замечаешь на улице родственника или соседа, с которым не хочешь здороваться, проходишь мимо, оправдываясь отвратительным зрением, типа: «Ой, так это были вы? Простите, простите меня, я вас не заметила...». Однако в остальных случаях плохое зрение – недостаток и огромное неудобство – очки мешают пить чай с ложкой, ибо она бьётся об оправу; когда идет дождь моя «зрительная поддержка» покрывается каплями, и тогда я начинаю думать почему ещё никто не изобрёл дворники для очков; а ещё из-за очков невозможно лежать боком. Да и вообще, странно, что от каких-то там стекляшек зависит, будешь ли ты видеть или же нет. Как сейчас прям. Передо мной не мама, а какая-то каракуля на ножках – лицо смазано, как будто оно написано маслом, как неизвестная никому картина; даже не вижу злится она или нет, поэтому приходится опираться на слух – её голос показался мне раздражённым, но мягким. Моя рука вытягивается и хватает с третьей попытки чёрные квадратные очки с темного паркета. Надеваю их и зрение возвращается. Стало легче.

– Кит, ты проспала! – мама снова начинает буянить, поправляя одеяло и брюки, что валялись на полу прямо около кровати.

Я тем временем встаю на ноги и вытягиваюсь на носочки, протяженно зевая. Связи с последними событиями, я «поссорилась» со сном, именно поэтому мои глаза напоминают два огромных мешка с ресничками. Уверена волосы похожи на солому и на что-то среднее между гнездом и тайфуном.

– Ну, вообще-то, я проснулась в семь часов, просто переводила время каждые пять минут, – отвечаю я, завязывая в узелок свои каштановые пряди.

Мама недовольно скривила губы. На этом диалог был завершён. Да и мне не хотелось её ещё больше злить, ведь мама у меня нервная и вспыльчивая, собственно, как и мы с папой. Видимо, семейное. Ну, моя сестра – Кэрри – тоже не особо спокойная дива, но после переезда она стала более вменяемой. Лорен, так зовут мою самую красивую маму на свете, принялась подбирать валяющиеся вещи на полу, а также коробку из-под пиццы и сока, бурча недовольно под нос о том, какая у неё дочь неряха и что у меня такими темпами не будет мужа, а если и будет, то парень сразу же сбежит, либо утонет в мусоре. Ха, мамочка, не угадала. Все ещё проще – я просто-напросто найду себе такого же ленивца, как и я сама. Да, с дочкой маме крайне не повезло. Ну, во-первых, я жутко брезгливая, но в то же время неряшлива; я нетерпелива, ленива и вспыльчива, как рассказывала ранее. Пусть мама и не говорит мне о моих недостатках и качествах плохой дочери (хотя иногда ей это надоедает и она высказывается), но за неё это успешно делаю я. А почему бы и нет? Ведь это

правда чистой воды. Мама всегда краснеет за меня: в школе, перед родственниками, в шумных компаниях, и ей нечем хвастаться. Я – ужасный ребёнок, от которого некоторые бы хотели избавиться.

Приняв душ, одевшись и быстро перекусив, я была готова к трудностям, которые поджидали меня в новой школе. Я знала на что иду, знала, что будет трудно. Летние каникулы остались в прошлом, как и восьмой класс, как и все мои друзья, педагоги и спокойная жизнь. Знаю, что в «Уост-Игл» меня ждёт череда издевательств, ибо с таким именем, как у меня, всегда тяжело привыкнуть к незнакомым порядкам и людям. Черт, как можно назвать дочку Кит?! Почему там не... не Ханна, не Эмма или Ребекка?! Почему Кит? Меня назвали в честь Кита Эмерсона (Британского клавишника и композитора)? Или в честь Кита Флинта (Танцора и вокалиста британской электронной группы The Prodigy)? Заметьте – эти люди мужчины! Мне дали мужское имя? Серьёзно?! Но вообще мама говорила, что меня назвали в честь папиной прапрапрабабушки, которая сумела выжить в адских условиях во время Гражданской войны. И типа я должна гордиться своим именем. Ох, вот так я горжусь.

Моё имя – первый предлог для насмешек, и за это спасибо моим родителям. Второй предлог – мои очки – я буду и очкариком, и очкозавром, и Гарри Поттером (хоть не имею ничего против волшебника; мне он нравится, я его обожаю). До ушей уже доносятся первые смешки и обидные прозви-

ща. От этого волосы встают дыбом...

Как бы я не тянула время, мне все равно пришлось сесть в папину «Хонду» и отправиться навстречу чему-то неизвестному и опасному. Вокруг много людей, в основном школьников и студентов. Они мирно, смеясь, идут по улицам города и направляются на учёбу. Смотрю на них сквозь окно и удивляюсь этим улыбкам и непонятым счастливым лицам. Что хорошего в школе? Хотя, если вы популярный человек, душа компании, то, конечно, вы будете рваться в школу, но таким лузером, как я, хочется сидеть дома и читать книжки. О, или смотреть мой любимый сериал «Теория Большого Взрыва». В любом случае, мне просто не хочется покидать пределы комнаты.

Папа замечает мой испуганный взгляд и говорит, привлекая к себе внимание:

– Дочка, не надо так волноваться. Это всего лишь школа, – мужчина с темными кучерявыми волосами обнажил зубы в грустной улыбке и ободряюще кивнул.

Конечно, ему легко говорить... В их доисторические времена вряд ли была такая междоусобица в обществе. Сейчас же каждый брезгливо относится к другому человеку. Нацизм, фашизм, сексизм, расизм – преобладают в XXI веке. Все это случается по вине человека. Разве не ужасно? Я не заметила, как мои ладошки вспотели, хоть и были невыносимо холодными, словно я их держала три часа в морозильнике. Я натянуто улыбнулась.

– Может, стоит вернуться назад? Не хочу туда...

– Кит, я все понимаю, но вечно прятаться нельзя. Помни: сильные люди никогда не прячутся, они либо побеждают свой страх, либо принимают с достоинством поражение, – папа гордо сузил глаза.

Он у меня дантист, но в душе ещё и отменный психолог, философ и писатель. Разносторонний человек, иначе говоря. Наверное, именно поэтому мама его так сильно любит. Хотя, у отца много положительных качеств: он голубоглаз, строен, высок и добр. Папа опрятен и высокоуважаемый человек в любой компании. Можете любого на нашей улице остановить и спросить, каждый с улыбкой скажет, что мой папа – замечательный человек. Хотя некоторые его недолюбливают... И так странно, что в такой семье, где каждый по-своему прекрасен и уникален, появилось такое чёрное пятно, как я. Даже Кэрри. Сестра, можно сказать, супермодель, которая обязана сняться в голливудских фильмах. Вся эту ангельскую картину своим существованием порчу я. Немного обидно.

– Пап, как можно принять поражение с достоинством? – грустно смеясь, спрашиваю я. Мы все ближе к новой школе.

Отец хмыкнул, не отрывая взгляд с дороги, на которой образовалась пробка. Круто...

– Надо уметь проигрывать, Кит. Проигрывая, человек стремится к выигрышу. И ты стремись. Будь смелой, не позволяй кому-то себя обижать, поняла? – папа умел одновременно отчитывать и наставлять, с особой лаской что ли.

Странно даже. Я улыбнулась и кивнула ему, а он одарил меня самым лучшим взглядом – взглядом отменного отца.

Спустя минут семь-десять, машина остановилась у входа в большое здание с неплохим ремонтом и с кучей людей во дворе. Мне становится не по себе. Тело покрылось мурашками и начало потеть, словно на улице +40 градусов, чего не может быть. Сердце бешено колотит в груди, и я не знаю куда спрятаться или убежать. Целая толпа подростков разных возрастных категорий (от 12-18 лет) стоит во дворе учебного учреждения и беседует о своём важном. Да, почему-то именно в этой школе учатся, грубо говоря, все детишки нашего города: с пятого по двенадцатый класс. Многие считают это плюсом, другие же категорически против такой «импровизации» и требует переустроить «Уост-Игл» в старшую школу». Ох, офигенно, придётся драться с малышкой за место в школьной столовой. Перевожу взгляд на толпу тинейджеров. Какие-то девушки, улыбаясь, дарят друг другу подарки. Какой-то чувак с серьгой смеётся и демонстрирует своему упитанному другу в джинсовой куртке новомодный гаджет. Главное отличие между мной и этими ребятами в том, что я одна. У меня нет здесь друзей, и мне не с кем делиться впечатлениями об проведённых каникулах. Хотя, честно говоря, провела я их просто ужасно. Кто-то отправился в кругосветное путешествие, кто-то посетил Париж, кто-то устроился на работу в хорошем магазинчике сувениров, а кто-то, а именно я, провёл все 92 дня в райском, неописуе-

мом РАНЧО! То есть, привет дурно пахнущие свиньи и коровки, здравствуйте вечно орущие петухи и их тупые квочки, салют клещи! Ранчо, это – минимум танцы, максимум уборка лошадиного навоза. Вот вы можете за 68 секунд почистить, выразусь так, домик свиньи и не умереть от душевраздирающего запаха? А вот я могу. Да ладно, забудем об этом кошмаре в прошлом и вернёмся в кошмар в настоящем. Это не сон, я правда одна... Здесь. В последний раз смотрю с надеждой в глазах на отца, но тот молчит и лишь кивает в сторону школы. Предатель! Видимо, он не передумает. Громко выдохнув надежду из себя, я открываю дверцу машины и хочу выйти, как слышу реплику со спины:

– И улыбайся, Кит. Людям надо показывать, что у тебя все хорошо. Пусть знают, – он словно вырвал слова из контекста, будто продумывал целую речь в уме, а вслух произнёс лишь это. Я повернулась к нему всем телом. Думаю над своими словами, пытаюсь найти правильный и более взрослый ответ, но ничего. Кромешная тьма. Я покидаю «Хонду» и неуверенно направляюсь к дверям школы, над которыми висит плакат с надписью: «Добро пожаловать в Уост-Игл, друзья». Выглядит многообещающе.

* * *

Как только я вошла в коридор школы, то сразу почувствовала непреодолимую тягу к бегству. Само по себе здание было милым – светло, просторно и не пахнет хлоркой, от кото-

рой меня тошнит. Как я и говорила, здесь учатся и младшие, и средние, и старшие звенья, так что толпа народа в этом месте не считается странным событием, по крайней мере менее странным, чем рисунок пентаграммы на стене, около двери в уборную. Мои зеленые глаза бегают по всему помещению, не зная на чем остановиться. Повсюду люди, много людей, целое море. Кафель на полу бледно-голубой, но уже грязный и полон скомканных бумажек, мусора и жёванными жвачками, похожими на мозги. К синим стенам прикреплены бежевые шкафчики для учебников, а слева от меня прикреплён огромный стенд с кучей бумажек. Наверное, это учебный план, расписание уроков, кружков и секций. Именно это мне и надо. Поправив волосы за ухо, я неуверенно прохожу к доске с бумажками, пытаюсь пройти сквозь непреступную стенку из людей. Эти ученики словно назло собрались здесь именно, когда это понадобилось мне. Выжидали? Какой-то парень с белобрысыми волосами толкнул меня, отчего я отлетела в сторону и чуть ли не упала на какую-то старшеклассницу, от которой пахло, нет, воняло ванилью. Она что, принимала душ в ванили? Главное не выплеснуть сегодняшний завтрак прямо на эту толпу. Девушка недовольно крикнула. Я поежилась и жутко начала краснеть. Боже, прямо чувствую как в груди стынет кровь. Мне стало неудобно и жутко стыдно. Почему это происходит всегда со мной? И в автобусе, и в музее, и в библиотеке, и в магазине... Повсюду! Поправив чёрную юбку, я решительно двинулась вперёд, за-

дев того самого белобрысого парня. Тот повернулся ко мне, смотря сверху-вниз. Вся моя уверенность тут же испарилась. Эти два карих глаза испепеляли меня, блокируя проход кислорода в легкие. Столько агрессии и негатива я не чувствовала на себе никогда. Парень выглядел лет на семнадцать, и пусть он не такой большой, мне было страшно. Его матовая жёлтая кожа напомнила мне мою морскую болезнь, и я испугалась, что быть может парень тоже страдает ею, прямо сейчас... Время остановилось. Словно вокруг проходит в замедленной съемке; вижу, как тонкие губы парня свирепо произносят:

– Ты что, очкастая, нарываешься? – брезгливо буркает парень, двигаясь ко мне.

Я отступилась. Этот Халк выглядел очень пугающе, и мне на одну секунду показалось, что белобрысый сейчас врежет мне прямо в нос, отчего мои мозги расплывутся по всему коридору. Я зажмурила глаза и ждала удара, представляя реакцию родителей. А что, клево! Первый учебный день, а уже разбитый нос... И я потом такая: «Ну что, родичи, убедились? Зря я перешла в эту школу, зря».

Правда никакого удара я не почувствовала. Открываю один глаз, а потом второй. Халк, буду теперь его так называть, стоит в трёх метрах от меня и болтает с какими-то ребятами. Видно одноклассники.

На сердце стало как-то холодно. У всех вокруг есть друзья, но только не у меня. Даже у этого громилы... Я здесь од-

на. В этой колонии. Господи, я даже не знаю где мой класс и какой должен быть урок. Наконец, толпа разошлась, и я могла спокойно, не боясь быть раздавленной, подойти к доске с объявлениями. Ищу глазами девятый класс, но удаётся это только спустя две минуты. Нужный мне кабинет находится на втором этаже, в корпусе «Б». Замечательно.

– Стеллар? Кит Стеллар? – слышу чей-то голос за спиной.

Резко разворачиваюсь и вижу девочку маленького роста с чёрными, как ночь волосами. Её ярко-красные губы растянулись в улыбке, и она кинулась в мои объятия. Я в оцепенении. Ничего не могу сообразить. Темнокожая Рокси душит меня своими руками и что-то пискляво вопит. Я не успеваю ничего понять: все произошло слишком быстро. Однако я обнимаю девушку в ответ.

– Рокси? Как? Как ты здесь? – она отходит на шаг от меня, доброжелательно улыбаясь.

Вблизи девушка ещё меньше, чем казалось ранее. На мой взгляд её рост составляет полтора метра. Оу, какой милый хоббит.

– Я перешла в эту школу, а ты? – черноволосая почесала нос.

Мне сразу стало легче. Ура! Тут есть кто-то из знакомых. Хотя Рокси больше, чем просто знакомая, она моя бывшая, а возможно и нынешняя одноклассница. С плеч упал тяжёлый камень под названием «страх быть одной»; теперь я могу дышать полной грудью. Бояться остаться одной – нормаль-

но, если все тебя сторонятся. Знаете, друзья очень важны в наших жизнях. Мне бы не хотелось просыпаться по утрам, зная, что никто не позовет меня гулять, не пригласит в гости или в парк. Одиночество, словно яд – он убивает человека постепенно, разрушая его жизнь. Так что, не теряйте людей.

– Отлично! Я тоже. Мы в одном классе? – спросила я, молясь про себя. Девочка посмотрела на стенд и начала что-то искать, шепотом говоря под нос. Я в ожидании. О Господи, пусть будет чудо, умоляю тебя. И чудо было. Рокси всего-то сказала, что мы учимся вместе, а я чуть ли не сделала двойной тулуп. Облегченно выдыхаю. Возможно, не все потеряно. Может, стоит посмотреть все под другим углом? Я заведу новых друзей, запишусь на кружки, начну думать о будущем.

Рокси поправила своё темно-синее платье и приказала идти за ней; я не стала противиться. Хоть и подруга (ведь можно её так называть, да?) в школе, как и я, первый день, но она уже все прекрасно знала. А вообще, Рокси всегда была «юлой»; она очень общительная и обаятельная девушка. В ней есть какая-то харизма. Мы подошли к белой двери и хотели было её открыть, как из класса вылетает какой-то парень. Он с темными волосами, кареглазый и миловидный на первый взгляд. За ним выбегают две девочки, которые размахиваются линейками и книгой по истории. Брюнет всячески издевается над девушками, а те начинают угрожать расправой и бросают в темноволосого книгу. Они бегают туда-сюда, громко пища, прямо, как птенцы, которые требу-

ют еды. Мы с Рокси молча пьем на этот спектакль. Мда, и эти люди учатся в девятом классе, со мной... Повезло же мне.

– Алекс такой засранец, – комментирует Рокси, наклонившись к моему уху.

Даже не хочу знать, когда она успела познакомиться здесь со всеми. Значит, он Алекс.

Это шоу закончилось быстро. Девочки сдались и прошли в класс, бурча недовольно под нос, а Алекс, смеясь, поправляет белую майку, заляпанную чёрным маркером. Рокси, отрицательно качает головой и проходит в кабинет, рассказывая мне о том, как провела летний уикенд, но я все прослушала. Я тоже хочу поступить как она и пройти в кабинет истории, но не могу пошевелиться. В груди что-то колит или одновременно щекочет. Я чувствую, как мои ладошки вспотели. Что это такое? Ноги стали ватными, и мне показалось, что очки перестали давать нужный эффект. Я что, ослепла? Алекс подходит к двери, но резко останавливается, поворачиваясь ко мне лицом. Мы смотрим друг на друга и молчим. Кажется, сердце вот-вот выпрыгнет из груди. Все вокруг исчезло. В солнечном сплетении резко кольнуло, да так сильно, что мне захотелось вскрикнуть. Он такой милый... У парня очень красивые глаза и маленький ровный носик. Я никогда подобной красоты не видела или просто не замечала. На секунду показалось, что мы с ним в другом измерении, где есть только мы вдвоём и ничего больше. И вдруг, его губы драгу-

ном в ухмылке.

– У тебя красивые очки, – говорит Алекс, хмыкая.

Я опешила. Если это шутка, то мне будет больно в конце. Но этот искренний взгляд говорил о правдивости в словах... Мне хотелось в это верить. Обычно комплименты в мой адрес – сарказм и шутка, и всегда мне было больно. А в этот раз что-то было по-другому. Вот только что? Мимика? Жест? Голос? Да, голос был тонким, но низким. Я хлопаю своими глазами, которые наверняка выглядят очень маленькими из-за очков.

– Спасибо, а многие считают очки – моим недостатком, – краснея, признаюсь я. Парень хмыкнул.

– Чушь какая-то. Это у тех кто такое говорит недостаток мозгов, не обращай на них внимания! Ты очень мило выглядишь с этими очками.

Мне польстили его слова. Я растаяла. Внутри все начало порхать. Такое мне ещё никто не говорил, оттого в тысячу раз приятнее. Главное сейчас произвести на Алекса хорошее впечатление, чтобы он не подумал, будто я ветреная или глупая, ведь это не так. Но мой застывший взгляд говорил об обратном.

– А как тебя зовут? – продолжил Алекс. Тут я почувствовала стеснение. Мне стало страшно, что, когда парень узнает о моем имени, то начнёт смеяться. Я бы этого не пережила. Обрести и сразу потерять приятеля? Было бы ужасно. Он же такой милый!

– Кит, меня зовут Кит, – отвечала я, краснея ещё больше. Моё тело чуть задрожало, а сердце судорожно бьется. Меня бросило в жар.

– Кит? – удивлённо переспросил он, сомневаясь в моей честности. – Красивое имя... Я Алекс, приятно познакомиться!

На лице застыла глупая улыбка. Я не могла поверить в то, что кому-то понравились мои очки и имя. Во мне же нет ничего особенного! Обычные квадратные очки, причёска, имя, в конце-то концов. Может, парень из другой планеты? Новые перемены мне нравились все больше, и я правда поверила в чудо. Возможно, мои страхи всего-то плод детской фантазии? Но все же, что-то меня смущало. Я не понимала точно, что это было, но знала я одно: просто другом я Алексу быть не хотела. Моё сердце впервые стало таким мягким и ранимым, как цветочек, как снежинка, как капелька росы, как солнечные лучи и радуга. Стало ясно – я влюбилась в этого доброго мальчика, который разглядел во мне нечто большее, чем просто девочку. И это замечательное чувство.

Глава 2

А вы знали, что сердце у девушек бьется быстрее, чем у парней? Так что задумайтесь на минуту: может, это не влюблённость, а просто иллюзия и самообман? Я точно не знала ничего о своих чувствах, знала лишь, что они есть, и с каждым днём становились сильнее, а мысли развязнее. Не спать по ночам, думая об одном человеке, который явно думает не о тебе, знакомо? О да, глупо в пятнадцать лет страдать по какому-то мальчику, особенно, когда этот мальчик твой лучший друг. Ой, подумаешь у него красивые глаза, милая улыбка, прекрасные мягкие волосы и шелковая кожа... Подумаешь он может заставить тебя смеяться и найти миллион плюсов в плохой ситуации. Подумаешь этот мальчик способен вытащить из тебя улыбку, когда на это нет никакого желания...

Спустя неделю мы с Алексом уже были самыми лучшими друзьями. Как говорится, не разлей вода, два сапога пара. Мы вместе сидели за одной партой, вместе обедали и оставались после уроков на дежурство, стирая с доски глупые надписи типа: «Поцелуй меня в зад», «Эдди – гей»; тогда мне было интересно откуда пятнадцатилетние ребята брали столько пошлости, злости и тупости. Хотя мне это и не нравилось, зато нравилось проводить время с Алексом – или по-другому Алом, как тот просил его называть. Рокси утвержда-

ет и даже навязывает мне своё мнение, что якобы Алексу нравится Флора, но Флоре нравится Шон, который влюблён в Сару. О господи, этот адский круговорот бесконечен. Мне нравилось думать, что Алу нравлюсь я. И я так думала. А кто мне запретит делать это?

– Посмотри-ка! – смеётся Ал, облачиваясь руками на парту. Я подбегаю к приятелю и с любопытством разглядываю на парте какой-то рисунок с надписью. Ничего необычного. Какой-то умник нарисовал задницу и подписал: «Это место, из которого нам не выбраться на протяжении четырех лет. Помогите». Вообще, надпись воодушевляла меня на самоубийство, ведь какая бы не была здесь ирония, но это правда чистой воды. Школа – место, где в детях убивают личность. Вот, например, зачем орать на меня, если я не поняла какую-то деталь в уравнении или забыла принести эссе, или написать сочинение? От этого ничего не изменится, кроме моего психического состояния. Я натянула улыбку и посмотрела на возбужденное лицо Алекса. Иногда меня в нем бесило детское мальчишеское дурачество. Ведь эти надписи для дураков, а мне не хотелось принимать своего любимого мальчика за дурака. Для меня он Ричард Гир в фильме «Красотка».

– Очень жизненно, – выдохнула я и прошла к мокрой намыленной парте, которую мне ещё нужно отмыть. За спиной слышу как приятель хмыкает, а затем куда-то отступает. Наш класс небольшой, но и немаленький; в нем умещаются

тринадцать парт, учительский стол, шкафчик и три горшка с цветами, на которые у моего одноклассника Кевина жуткая аллергия. Ему приходится тоннами глотать таблетки, чтобы не задохнуться собственными слезами. Жалко его.

– Эти придурки ничего не понимают.

– В чем? – я резкими движениями начала проводить по парте влажной тряпкой, от которой за километр пахло сыростью. Ал делал то же, что и я, только его рука спокойно скользила по столу, словно по маслу.

– Они пишут эти надписи и думают, что правы, но на самом деле это тупой прикол, который появляется в голове, когда на уроках скучно... Школа не так уж и ужасна, – с убеждением отвечает тот, добавляя позже: – А нам за ними убирать! Вот несправедливость.

Я, смеясь, покачала головой.

– Ну, мы сами напрашиваемся на уборку.

– И я не знаю почему. Кит, мы либо тронуты умом, либо набиваем цену перед Иисусом, чтобы попасть в рай.

Я снова смеюсь, и от этого Алекс начинает улыбаться. В голове думаю над вариантами, которые предположил ЛЧ (любимый человек) и выдыхаю, протирая мокрый лоб тыльной стороной руки.

– Кажется, первое подходит больше, ведь я знаю, что прохожу в ад без очереди. Насчёт тебя – без понятия.

Алекс отодвинул стул и перешёл к другой парте, на которой было меньше всего надписей; ну, вообще-то, это наша

парта с Алом. Он неаккуратно плеснул моющее средство, а затем энергично начал проводить зеленой губкой по столу, образуя белые разводы. Я, тем временем, перевожу учащенное дыхание.

– Смотри, я спасал котёнка, когда тот застрял на дереве. Я мою за собой посуду, помогаю маме по дому, помогаю тебе с физикой и убираю после уроков этот вонючий класс, когда мог бы рубиться в приставку.

Он определенно горд собой, но я решаюсь разрушить его идеальный мир. Выпрямляюсь, украдкой поглядывая на красное лицо парня.

– А ещё ты прогуливаешь урок истории, обманывая, что у тебя бывает голодный обморок, когда жрешь больше Нила Паркера, – Нил Паркер – парень с весом восемьдесят восемь килограмм; он ест все подряд, и я уверена, что для него каннибализм – как вишенка на торте, – ещё ты подкладываешь кнопки на учительский стул, называешь Рокси лесбиянкой и воруешь у Чарли лакрицы. А так ты просто ангелочек.

На мою реплику мы оба засмеялись, хотя в глубине души знали, что это совсем не смешно, а даже страшно. Несмотря на все вышеперечисленное мне очень нравится Алекс. Со мной он другой человек; мой добрый, красивый, милый, воспитанный парень. В мечтах я с ним катаюсь на колесе обозрения, ем мороженое, закусывая сладкой ватой; пью с ним из одного стаканчика смузи, пересматриваю диснеевские мультфильмы. Бывает, смотришь на человека и забы-

ваешь обо всем плохом, что он когда-либо совершал. Это, наверное, и есть любовь.

Алекс закончил со своей партией и облегченно выдохнул, бросив губку в красное ведро, отчего на пол вылилась вода. Я осмотрелась. Все было чисто и пахло свежестью. Самое печальное и обидное то, что сегодня все блестит, а завтра снова будет грязно, как на помойке. И нам с Алом опять придётся колдовать над партами после уроков.

– Хочешь зайти ко мне? Мама обещала приготовить пиццу, – Алекс хватается за ведро с мыльной водой, и мы выходим из класса, направляясь к туалетам. Закончился шестой урок, и все расходятся по домам, все, кроме старшеклассников: им суждено отсиживаться в этой дыре ещё два урока. Поэтому они так нам завидуют. Алекс протягивает мне ведро, я хватаю его и захожу в женский туалет. Помыв тряпки, губку и красное ведро, я снова возвращаюсь к другу, успев поправить свой конский хвостик. Тот берет у меня ведро, мило улыбаясь. О, эти прекрасные ямочки...

– Даже не знаю, Ал...

– Да брось! Тебя ждёт самая вкусная в мире пицца! Так, как готовит моя мама – не готовит никто! Где-то там, в Италии, повар говорит: «Мама мия, это просто белиссимо!» – от акцента друга я начинаю смеяться.

– А пицца с ветчиной?

– Нет, конечно! Пицца из человеческой плоти!

– Ну, допустим, я согласилась.

Алекс обхватывает мою шею рукой и подвигает к себе. Я чувствую как к щекам подступает кровь; мне становится трудно дышать, а на лице застыла тупая улыбка. Мой нос сразу услышал божественный запах одеколона Алекса. От этого я таю.

– Прекрасно! Нас ждёт пицца, бутылка «7Up» и жаркий фильм с Эдди Мёрфи.

* * *

Это была самая вкусная пицца на свете! Еда вкуснее, когда рядом с тобой идеальная компания, а для меня Алекс – божественная компания. О большем мне мечтать и не стоит. Наши животы надулись и стали похожи на два больших арбуза. Мы даже устроили соревнование у кого пузо больше, и победил, конечно же, Ал. Рюлетка показала, что у мальчика живот больше. А я и не расстроилась. Поблагодарив миссис Харрис (маму приятеля), мы прибежали в гостиную и прыгнули на диван. Здесь я бываю уже в третий раз и с каждым моим приходом в комнате что-то меняется. Родители Ала очень забавные люди. Начнём с того, что они коллекционируют статуэтки лебедей (на полке рядом с книгами их сорок шесть штук). Честно говоря, я не понимаю в чем здесь прикол. Лишний мусор. Хотя в четвёртом классе я собирала наклейки пони и даже проводила конкурс «Лучшая коллекция 2011 года». Ну и бред. Вспоминая своё прошлое, хочется исчезнуть или дать себе по мозгам. Алекс уселся поудоб-

нее и неуклюже схватился за пульт от телевизора, включая фильм с Эдди Мёрфи, как тот и обещал, а именно «Поездка в Америку». Сказать честно, мне было все равно на просмотр фильма, на самую вкусную на свете пиццу, мне было лишь важно присутствовать в жизни любимого человека. А ведь так всегда: когда кого-то любишь, хочешь быть с ним рядом каждое мгновение.

Я завязала волосы в узелок и откинула хвостик назад, приготавливаясь к комедии, которая, по словам Ала, перевернёт меня наизнанку (надеюсь в хорошем смысле). И вот, ЛЧ большим пальцем нажал на какую-то кнопку пульта, после чего на чёрном экране появились картинки. За стеной слышу как миссис Харрис громко говорит по домашнему телефону, изредка смеясь и повторяя «да-да, именно».

– Кит, не отвлекайся. Пропустишь самое интересное, а потом мне придётся тебе все объяснять, – возмутился, не отрываясь от телевизора приятель.

И вправду, лучше сосредоточиться на фильме. Нужно отключить все мысли, перестать думать. Думать – вредно, ведь думая можно додуматься до какой-то неприятной истины. Черт, да я уже думаю. Думаю почему Алекс когда смеётся, щурит глаза и откидывает голову набок? Так удобнее смеяться? Хорошо, а почему обои гостиной телесного цвета, а не кремового? И в чем тут разница? Почему люди могут обидеть, но не могут просить прощения? Почему египтяне всегда писали портреты в профиль? И какая тут связь между

всеми моими «почемучками»? Иногда мне страшно за себя, ибо в уме я разговариваю больше, чем в реальности. Хотя, сказать по правде, если со мной начнут беседу, меня уже не остановить. Я как бензопила, которая тарыхтит без умолку.

Через мгновение мое левое бедро приняло большой удар, от которого сбилось дыхание. Я резко повернула голову и нахмурила густые брови, хватаясь рукой за больное место.

– Ай!

– Я же говорю тебе – н-е-о-т-в-л-е-к-а-й-с-я! – раздраженно рычит Алекс, указывая раскрытой ладонью на Эдди Мёрфи.

На секунду мне показалось, будто сам актёр из телевизора злобно взглянул на меня и закатил глаза. От этого я поймала стыд.

– Да смотрю я! Смотрю! – вскрикнула я. – Дурак, больно вообще-то!

Ал сменил гнев на жалость и виновато поглядел в мои глаза прямо через «поддержку для зрения». Эти гляделки продлились недолго – Харрис вновь устремил своё внимание на кинокомедию, все ещё оставаясь в смятении.

Честно, я не имела ни малейшего желания смотреть фильм. Сейчас во мне было то чувство, обычно которое сложно понять: спать или слушать музыку, рисовать или валяться на газоне, плакать или перечитывать журналы с Джастином Бибером? И дело не в том, что у меня скоро должны начаться «красные дни». Это ведь нормально, что мой мозг

сейчас думает над всем этим? Боковым зрением замечаю какое-то движение справа – мама Алекса, болтая по домашнему телефону, проходит к полке с книгами и откуда-то достает две зеленые купюры, а затем быстрым шагом удаляется из гостиной.

– Кит, – окликнул меня Ал, поставив фильм на паузу, – ты же знаешь, что завтра у Сары день рождения?

Почему-то по спине прошлась дрожь. Я повернулась по-лубоком к ЛЧ и поправила очки на носу. Обычно это признак неуверенности или страха. Я сглотнула.

– Ну, да...

– Она пригласила меня, и я хочу пойти...

Помните тот адский круг – Алекс+Флора+Шон+Сара – теперь я знаю кем он заканчивается. Оу, прям парадокс – начало и конец строится на Алексе.

Чтоб вы знали, в классе мне удалось подружиться лишь с десятью учениками, остальные просто прохожие, и Сара Бейкер одна из них. Она из таких девушек, которые в свои пятнадцать встречаются с выпускниками школы, носят одежду от известных дизайнеров и в конце диалога посылают воздушный поцелуй собеседнику. Если перед вашими глазами всплыла картинка длинноногой жгучей блондинки, то ваша фантазия вас не обманывает – Сара высокая русоволосая девушка, с родинкой над губой. И я смело могу её назвать клише или иначе клешней (как я придумала), которые обычно встречаются в фильмах для подростков. Короче, с

ней я подружиться не сумела. Мы полные противоположности друг друга – я предпочитаю книги, а она не знает что это такое, мне интересен Бетховен, а ей Гарри Стайлс из «One Direction», я предпочитаю лето, а она, холодное как её сердце (если у неё вообще есть сердце) зиму. И если этой особе нравится Алекс, то это будет концом моего света, ибо Сара добивается всегда своей цели. А ещё ужасней будет, если и приятелю нравится она... Больно, когда человек, которого ты любишь, находит себе кого-то получше тебя. Размышляя над этим я и не заметила, что сижу с открытым ртом. Алекс все ещё ждёт моей реакции и слов. Но я нахожусь в оцепенении.

– Эм, круто... уже определился с подарком? – прикусив нижнюю губу, спрашиваю я.

– Вообще-то, да, – Ал вскакивает с дивана и бегом проходит к стеклянному шкафчику около двери. Спустя считанные секунды, а именно тринадцать, парень возвращается с маленькой чёрной коробочкой. Обычно улыбка Алекса всегда приводила меня в восторг, но в данной ситуации во мне зародилось желание дать ему по тылке и убежать куда ноги прикажут. Его карие глаза прям искрятся, горят волнением. А меня задевает то, что ему так важен этот подарок. Черт возьми, я сейчас взорвусь. Неуклюже беру коробочку в руки и открываю её. Вот сейчас мое сердце разбилось на миллионы микроскопических кусочков. Жизнь явно смеётся над мной и бросает в меня попкорн, крича: «Вот так тебе и на-

до, лохушка». Я бы не расстроилась так сильно, если бы этот подарок: а) не был бы посвящён Саре Бейкер, б) если бы он был чуть менее прекрасным.

Это браслет. Но не обычный, а супер стильный с красивыми камушками и подвесками в виде бабочки, бантика, туфельки, помады и вишенки. Учитывая тот печальный факт, что я хотела именно такой же подарок, стало в сто раз хуже. Не судьба.

– Ну как? Ты же девчонка, разбираешься в этом, ей понравится, как думаешь? – Харрис произнёс это на одном дыхании.

Сперва я хотела солгать и сказать, что Саре Бейкер такая безвкусица не нужна, у неё наверняка есть и получше украшения, но смотря на взбудораженный вид Алекса, невозможно лгать. Разбить ему сердце и испортить настроение из-за какого-то браслета и ревности? Глупо с моей стороны. Порой мы теряем людей по своей же глупости. С этим надо как-нибудь бороться.

– Да, очень понравится, – лишь ответила я, все ещё ощущающая какой-то неприятный осадок.

Он взял из моих рук коробку и убрал её на рядом стоящий кофейный столик.

– А ты что даришь?

Тут я грустно рассмеялась.

– Она меня не пригласила. Думаешь, ей стоит что-то дарить?

– Не пригласила? – не поверил мне Алекс. – Почему?

Ох, ну, наверное, потому, что я необщительная и ненавижу выскочек, вроде неё.

– Не сошлись мнениями...

Алекс улыбнулся краешком рта и взял меня за руку. В это мгновение я ощутила прилив уверенности и румянца на щеках. Боже, эти нежные руки были для меня чем-то столь дорогим и драгоценным, что дайте мне только волю, я бы не отпускала их никогда. Сердце забилось неимоверно быстро, отчего казалось, что трясётся даже дом. Как же нечестно! Любить гораздо больше того, кто считается твоим другом, ибо этот человек все время рядом и тебе приходится молчать о своих чувствах к нему.

– Кит, она плохо тебя знает. Ты же просто замечательная! Тебе стоит только улыбнуться, как все становится лучше! – улыбается Ал.

Эти слова я позже запишу в свой блокнот, где хранятся все комплименты, посвящённые мне от ЛЧ. Я чувствую как таю, словно мороженое в жаркую погоду. Если бы я только бы знала о его чувствах ко мне, если бы только он полюбил меня не как друга... И в эту минуту я решила узнать у Алекса то, что меня тревожит уже минут пять.

– Ал, скажи честно, ты втюрился в Сару Бейкер? – голос был уверенней, чем его обладатель. Парень резко убирает свою руку с моей ладони и складывает гримасу. Я в недоумении.

– Что-о?! Да ты спятила! Нет, конечно, нет! Она же стерва!

– Я думала мальчикам нравятся стервы... – убираю за ухо прядь волос.

– Господи, Кит, ты нанюхалась моющим средством в школе? Единственное, что мне в ней нравится, так это её бюст, – смеётся Алекс, и я пнула его ногой прямо в солнечное сплетение. Тот скрючился, но все ещё продолжал улыбаться.

– Понабрался идиотизма у Колина Финча? Извращенец! – подхватила я смех друга.

– Он, между прочим, неплохой парень. Просто болтает лишь о девчонках.

– А тебе это типа невыгодно? – с хитрой улыбкой посмотрела я на лицо Алекса. Тот покраснел и отвёл глаза в сторону. Начинаю дико хохотать. Харрис принялся пинать меня своими стройными, как у топ-моделей ногами, а я в свою очередь отвечаю ему тем же. Моя левая нога выскальзывает и врезается прямо в нос bruneta. Тот вскрикнул, но мужественно продолжал бой. Его руки хватают мою ногу и начинают щекотать стопу, я, в свою очередь, разрываюсь от смеха. Из соседней комнаты миссис Харрис просит нас быть потише, но мы не можем остановиться. Все тело покрылось мурашками. Кажется, ещё чуть-чуть и я заплачу.

– Алекс... пожалуйста... я сейчас умру... – хохочу во всю я, но приятель продолжает издеваться. – Стоп! Хватит! Ты победил меня! Победил!!!

И руки Харриса отпускают мою онемевшую от щекотки ногу. Я все ещё смеюсь. Алекс довольно улыбается, как положено победителю, и достаёт непонятно откуда пульт. Перевожу дыхание, прокручивая в голове все происходящее.

– Я хочу, чтобы мы с тобой всегда были лучшими друзьями, – говорит он с отдышкой.

– И я тоже... – отвечаю я, но думаю совсем иначе.

Просто друзьями... Нет, мне этого недостаточно.

* * *

Когда я завернула за угол, то сразу почувствовала запах гари, витавший в воздухе. Словно кто-то поджарил хвост кота. Прохожу мимо двухэтажного дома с пальмами во дворе. Затем ещё один дом лимонного цвета, потом еще один и ещё. Вокруг множество домиков и желтоватые деревья, которые скидывают себя старую «одежку». По бульвару гуляют люди, а на крыльце одного из домов сидит группа парней, обсуждая, судя по всему, какую-то игру, ибо один из них громко указывает на мяч в своих руках. Подул тёплый осенний ветер, который принялся щекотать мне лицо. Из облаков выглянуло солнце. Оно светило словно только для меня. В такие моменты мне кажется, будто я особенная, точно была рождена для чего-то важного. Вы никогда не думали об этом? Знаете, в четвёртом классе, когда у меня было много друзей, я решила стать герлскаутом. Бабушка называла меня феей, родители маленькой помощницей, а друзья добряч-

кой. Мне казалось, что я рождена быть герлскаутом. Однако детские мечты разбились о суровую правду, когда эти девушки в милых оранжевых униформах сказали мне, что я похожа на пугало. Как так возможно? Эти девочки собирали команду, смотря не на качества человека, а на внешность. Из-за того, что я носила очки и скобы, никто не захотел меня принимать в герлскауты. И после этого началось... Прощайте добрые мечты! Привет необщительность и комплексы. Мама часто пыталась меня успокоить, говоря какая я у них с отцом красавица. Но это была родительская ложь. Я и до сих пор живу с комплексами. Правда от скоб я давно избавилась, но вот очки... От этой дилеммы мне не убежать, пока не стукнет двадцать лет. Придётся терпеливо дожидаться судьбоносного дня.

Я прошла мимо старенького дома мисс Крисберг – кошатницы, у которой умер муж десять лет назад, а дети просто бездушные сволочи, ибо бросили мать в одиночестве. Зато у неё есть я и все остальные соседи. Мы бабушку очень любим и считаем её близким человеком. На Рождество мисс Крисберг не сидит одна; она либо с нами, либо празднует в доме Уэлсенов. В общем, за ней есть кому позаботиться.

Заворачиваю налево и прохожу по узенькой каменной дорожке к своему крыльцу одноэтажного дома. Судя по тому, что на желтоватом газоне валяются пыльные коробки, стоит ржавый велосипед и кресло, мама, наконец, решил устроить генеральную уборку. А ещё это значит, что она побывала в

моей комнате. От этой мысли я бегом направляюсь к открытой двери и забегаю в дом. Первое, что я почувствовала – запах лаванды. Я будто нахожусь в горах, на цветочной поляне... Прихожая была пуста. Вся обувь выставлена на улицу, комод блестел чистотой, вешалки опустели. Где вся верхняя одежда и шляпы? Неаккуратно снимаю с ног потрёпанные кеды и забегаю в гостиную. Следующее, что было видно: мама вытирает мокрой тряпкой светлый паркет и напевает под нос какую-то мелодию. Она изредка смачивает серую тряпку в ведре с моющим средством и вновь начинает скользить по паркету. Вижу наш ковёр. Женщина закрутила его в трубочку и бросила на кожаный диван. Горшки с цветами стоят на журнальном столике, который расположен около окна, когда раньше был напротив дивана. Спустя время, мама замечает меня и безмятежно улыбается, поправляя на голове красную бандану, которую она надевает всегда во время уборки.

– Ты уже вернулась? Как дела в школе? – отрывисто спрашивает женщина, выжимая тряпку над зелёным ведром. Я не двигаюсь с места.

– Нормально. Мне задали сделать лабораторку по физике, придётся всю ночь пахать. А ты почему дома?

Мама бросила тряпку на пол и еле-еле поднялась на ноги, протирая влажный лоб ладонью. Женщина пытается отдышаться. Иногда я думаю на кого больше похожа: на маму или папу? Кто-то говорит на сестру, кто-то утверждает, что на бабушку. А я думаю, что на маму. У женщины чёрные во-

лосы, но были они такими не всегда. В моем возрасте у мамы были каштанового цвета пряди. У нас с ней одинаковый цвет глаз – болотный, а у папы и Кэрри – голубой с карими пятнами. Мама невысокая и немного пухлая, но я ростом пошла в отца и бабушку, также и сестра. Я поправила очки, все ещё ожидая ответа.

– Сегодня у меня выходной, – отвечает она и проходит на кухню. Я хвостиком плетусь за ней. – Ты голодна? Хочешь есть?

– Нет, я была у Алекса в гостях, там перекусила.

Реакция мамы слишком спокойная, хотя я думала, что она устроит скандал, типа: «Ты не сказала, что идёшь в гости?! Все! Домашний арест на два месяца!», но она промолчала. Мама открывает кран с водой и моет руки, раздумывая о чём-то неизведанном. Сегодня она более странная, чем когда-либо. Я открываю белый шкафчик, где обычно лежат печенья и хлопья и достаю пачку сырных шариков.

– Кит, пока не забыла сказать, присмотришь завтра за кошками мисс Крисберг? – говорит мама, не оборачиваясь.

– Ладно, а почему? Мисс Крисберг куда-то уезжает?

– Ей нужно к врачу. Она чувствует себя крайне неважно.

Я ощутила какую-то тоску, от которой даже сырныи шарики не лезли в горло.

– Что за ужасные у неё дети! Их мама живет одна, у неё нет никого, кроме кошек, и она больна. Почему этим детям так плевать на свою мать?! – от душераздирающей обиды ме-

ня начало трясти, как при двенадцатибальном землетрясении. Мне казалось, что мое лицо надулось как пузырь и через мгновение взорвется, сметая все на своём пути. Мне больно. Представив на месте мисс Крисберг свою маму, я опешила. Сердце поразил укол. Нет! Никогда, слышите, никогда я так не поступлю со своей мамой! НИКОГДА. Я никогда не брошу её, буду делать все, чтобы она была счастлива и ни в чем не нуждалась. Лишь бы не заплакать. Ну почему я такая сентиментальная?!

Мама вытерла мокрые руки кухонным полотенцем и обернулась ко мне всем телом, грустно улыбаясь, будто должна сознаться в чём-то ужасном. Её холодная ладонь коснулась моего лица, и я ощутила легкую дрожь.

– Детка, это хорошо, что ты злишься, значит, ты понимаешь, что так поступать нельзя, – сказав это, она прошла мимо меня в гостиную, где вновь начала убираться.

* * *

Я раньше не думала об одиночестве. Одинокие люди повсюду, они в нас. В данный момент, сидя возле окна и наблюдая за домом старой и доброй кошатницы, которая проживает свою оставшуюся жизнь в одиночестве, в мою голову пришла мысль. Что если проводить с мисс Крисберг больше времени? Читать с ней книги, смотреть телепрограммы, готовить кексы, играть в маджонг? Наверное, она сильно скучает по своей родине, по детям и внукам, которым нет до

неё никакого дела. Ах, как от этого становится дурно. Эта женщина вырастила их, дала кров, подарила жизнь в конце концов! Людям плевать на других, пока они сами не попадут в ту же ситуацию. Свет в комнате старушки погас, а значит она легла спать. Держу пари, что через минут пятнадцать её любимые коты начнут петь серенаду под моим окном. Спать они мешают конечно, но весь район уже к этим ночным концертам привык. Тем более эти кошки и нам дороги. По утрам каждый житель района подкармливает милых питомцев вкусностями, а кто-то просто останавливается чтобы погладить по спине и головке.

Я задёрнула синие шторы и села за компьютерный стол. Время уже десять часов вечера, а я никак не могу закончить лабораторную работу по физике. Все мои мысли крутятся в голове, не дают сосредоточиться на важном. В уме всплывают картинки минувших часов. Алекс... Завтра он идёт на вечеринку к очень красивой девушке, которая возможно любит его. Боже, какова вероятность того, что после завтрашнего вечера мы все ещё будем друзьями, какова вероятность того, что Сара Бейкер и Алекс Харрис не начнут встречаться? Почему первая любовь всегда кончается разбитым сердцем? Я хочу разрушить эту цепочку. Любовь – флакончик с болью, которую мы добровольно впрыскиваем в своё сердце. И как я могла допустить это?! Зачем я полюбила его? Пусть Ал и говорит, что я милая, особенная, что мое имя волшебное, волосы глянцевые, очки забавные, но я все равно оста-

юсь дурнушкой. Как в меня может влюбиться какой-то человек, если я сама себя не люблю?

Слышу какой-то шум за стеной. Протяжённо выдохнув, я встала из компьютера стола и прошла к деревянной двери. Выхожу в гостиную, где папа лежит на диване, а на его груди мама. Они смотрят какой-то фильм и радостно улыбаются. Видеть своих родителей такими счастливыми – бесценно. Я прячусь за угол, чтобы не прерывать их идиллию. Папа приобнял маму и что-то сказал, отчего она засмеялась.

– Завтра я поеду к Кэрри, давно не видела её, – с тоской произнесла мама.

Последовала тишина.

– Лорен, я иногда даже забываю, что у нас с тобой есть ещё старшая дочь.

– Разве это хорошо? Не стоило ей разрешать переезжать к маме. Мы совсем о ней позабыли, Гас!

Папа выдохнул.

– Хорошо, давай завтра всей семьей наведаемся к твоей матери? Как раз завтра пятница, и Кит будет свободна.

От этой идеи мамы глаза загорелись ярким пламенем, и она ещё сильнее обняла отца.

– Отличная идея, но Кит завтра должна присмотреть за котами мисс Крисберг. Женщина будет целый день в больнице, а затем едет на кладбище к мужу вместе с какой-то родственницей... и может приедет поздно. Кит весь вечер занята.

Да, я занята... Всегда...

Глава 3

Я подросла в школу, когда уже прозвенел звонок, и это объясняет пустующие коридоры, залы и прекрасную тишину. Обычно на переменах приходится громко орать или общаться языком жестов, чтобы собеседник смог хоть что-то понять. Привыкнуть к новой школе сложно, хотя это было ожидаемо; я знала, что с трудом заведу новое знакомство, с трудом привыкну к новой обстановке, предметам. И ничего удивительного. Когда тебя обзывают и указывают на недостатки, хочешь не хочешь, но придётся быть затворницей. До Алекса у меня не было лучших друзей. Хотя нет, вру, были. Эти друзья пахли божественно (не подумайте, я не извращенка), эти друзья всегда открывали для меня что-то новое, они могли дать нужный совет. Эти друзья – книги, и пусть мне докажут, что книги – плохие товарищи. Я дам в лоб такому человеку.

Открыв свой шкафчик, в котором хранятся все мои учебники, ручки, сменная обувь и даже фотография родителей, я торопливо ухватилась за нужные принадлежности, а затем захлопнув бежевую дверцу, поплелась в нужное крыло школы.

– Простите за опоздание, мистер Кертис, я честно больше так не буду и... – забежав в класс начала было оправдываться я, но увиденное моими глазами лишило дара речи, и кажет-

ся я забыла как дышать. За учительским столом сидит мой одноклассник; остальные ученики собрались вокруг парты Сары и дарят ей подарки, негромко скандируя «с днём рождения». Однако их идиллию прервала неуклюжая любительница позоров, то есть я. Все пялятся в мою сторону, сдерживая смех, но в тот момент лишь мне хотелось рыдать и провалиться со стыда сквозь землю. О, если бы провалился пол на первый этаж, а затем под землю прямо в кипящую магму. Я хлопаю сонными глазёнками и пытаюсь хоть что-то вымолвить, пока эта стая ящериц меня не разорвала на мелкие кусочки. Невольно взглянула на виновницу торжества. Сара, скривив брезгливую гримасу, осматривает меня с ног до головы, сканируя мой неважный внешний вид. Она любила это делать. Девяносто процентов её речи состоит из «... ты видела, что она на себя напялила?», и более чем уверена, я буду следующей жертвой её сплетен. А что такого? Может мои джинсы не гармонируют с браслетом? А кому это вообще интересно, кроме неё, естественно?

Наконец, поправив очки на носу (признак неуверенности), затем прядь волос за ухо, я встрепенулась и натянула неловкую улыбку.

– А где мистер Кертис? – голос был таким тоненьким, как канат, который вот-вот порвётся. Я уже думала, что вновь опозорюсь, но тут меня спасла Рокси.

– Он приболел, а замены нет. Круто, да? – улыбается во все зубы она.

При других обстоятельствах было бы сверх круто, но сейчас, когда у той, которая меня раздражает, день рождения... Лучше был бы тест! Тем более с историей у меня хорошие отношения. Все вновь устремили своё внимание на Сару, и тогда я смогла пройти за свою пустующую парту. Первое что заметила, помимо отсутствия учителя истории, отсутствие Алекса Харриса. Он же так хотел угодить Бейкер своим подарком. Что-то случилось? Он заболел? Вмиг мое тело покрылось гусиной кожей. Я почувствовала такое одиночество: в собственном классе чужачка. Все они – мне никто, просто мимо проходящие люди. Алекс не просто мой лучший друг, он мой единственный и неповторимый лучший друг. С Рокси мы конечно общаемся, но не так близко, как было в начальных классах. И вот сейчас, смотря на всех этих тинейджеров, я удостоверилась в правоте слов Кэрри: «И в шумной компании мы все одиноки по-своему...»; сестра сказала так потому, что её в тот вечер кинул парень. Да уж, лучше об этом позабыть.

– Рокси... – склонившись над своей партой, дёргаю рукой я плечо черноволосой девушки, она разворачивается, – ты не видела Алекса?

Её взгляд был туманным, видимо она вспоминала. Рокси поправила свою розовую жилетку и почесала густую бровь. Я все ещё жду долгожданного ответа.

– Он не приходил, – отвечает девушка, а потом с паузой добавляет, – вроде бы...

И тут мне не понятны свои чувства: я рада или нет? Разве что думать логически, если Ал не пришёл, значит пропустит вечеринку Сары и не подарит ей браслет. Стоп. Не пришёл на учебу, но может пойти на день рождения; а если и не пойдёт, то все равно, рано или поздно, вручит подарок. Замкнутый круг, который все сужается и сужается, лишая меня радости. Интересно, кого ещё пригласила на вечеринку Сара Бейкер?

– Рокси, а ты идёшь на день рождения?

Подруга повернулась ко мне на девяносто градусов и поджала губы. Она словно не хотела отвечать на мой вопрос и всячески старалась это показать.

– Да, она меня пригласила... – с грустью призналась девушка.

Тут мне стало совсем неловко. Вновь прямо ударили под вздох, тем самым сбив меня с равновесия. Я в нокауте.

– Я что же, одна не иду?

Рокси положила тёплую ладонь на мое плечо и два раза похлопала, как бы показывая свою поддержку. Два хлопка – жест для неудачников. Почему так трудно стало заводить друзей, но легко находить врагов? Я что, магнит для фриков? Бабушка часто твердит, что мне надо изменить свой характер, но зачем? Когда любишь, принимаешь человека таким, каков он есть. Со всеми изъянами, недостатками, оплошностями. Только Алекс сумел принять меня такой. Ему нравится во мне все, даже то, что не нравится мне. Это неопишимо, – когда тот, кого ты любишь, делает тебе комплименты.

Я сразу чувствую себя прекрасно и особенно. Не знаю почему, но у меня с четвёртого класса появилась какая-то мания быть особенной; мне всегда хочется что-то изменить в себе, например, причёску или стиль. И неизвестно как с этим бороться, и стоит ли вообще?

В это мгновение дверь класса открывается, и в кабинет входит человек, которого я так ждала и одновременно не хотела видеть. Алекс выглядел просто умопомрачительно: его шоколадные волосы неаккуратно уложены, на нем белая майка, сверху которой светло-голубая рубашка, джинсы и белые кроссовки. Словно ангел взошёл к нам с небес... Боже, я чувствую как горят мои щёки, чувствую покалывание в груди. Рокси замечает мой тупой взгляд в комплекте с расплывчатой улыбкой и пинает меня рукой в живот. Я повернулась к ней и заулыбалась ещё шире, отчего уголки рта запылились. Алекс достаёт из кармана ту самую чёрную коробочку, но уже с белым бантом и, улыбаясь, подходит к блондинке, которая от смущения прикрыла лицо руками. Тише, Кит, тише... Ревнивая девушка напоминает розу с шипами – пока ты хорошо себя ведёшь, она не кусается. И Бог свидетель, я еле держусь, чтобы не укусить лучшего друга. Ох, я даже забыла поздравить именинницу... Ну, ничего страшного. Ал вручает ей подарок, осыпает комплиментами и целует в щёчку. **ЦЕЛУЕТ В ЩЁЧКУ!!!** Мои глаза округлились до предела и готовы были от давления лопнуть, как и мое терпение. Не верю... В груди стало так холодно, так зябко,

словно меня предали. Почему людям все равно на чувства других? Пусть Алекс и не знает об этом, и вряд ли узнает. Я буду молчать. Сара Бейкер кидается ему на шею и громко смеётся. Все вокруг как в замедленной съемке. Жизнь будто проходит сквозь меня. Обидно.

– Господи, Алекс, ты просто шикарен! Спасибо большое! Очень красивое! Я никогда его не буду снимать! – вопит блондинка, а затем поворачивается лицом к подружкам и демонстрирует свой подарок. – Девочки, посмотрите! Это то, что я хотела!

– Да не за что, – смеётся Ал, поправляя волосы набок.

Я закатила глаза и недовольно фыркнула. Рокси сложила руки на мою парту, а поверх них положила голову, наблюдая за физиономией Сары Бейкер.

– И все же правда, девочки формируются быстрее парней. Посмотри на нее, помада, тени, кольца... Она будто побывала в программе «Топ-модель по-американски», – черноволосая хихикнула.

Я набрала воздух в лёгкие, а затем незамедлительно опустошила их. И почему же мне так грустно? Я знала, что сегодня все внимание будет прицеплено к клешне, зачем добивать себя? Я же подготавливалась; было ожидаемо застать их поцелуй... Боже, главное не заплакать, главное не заплакать. Отключить бы чувства и стать стервой. Спустя мгновение кто-то закрывает, скорее не мои глаза, а мои очки руками, отчего все вокруг исчезло, ну почти все... На лице вновь за-

мерла тупая улыбка, от которой сложно избавиться, но я пытаюсь перебороть себя и свои чувства. Я злюсь, злюсь, злюсь! Ах, нет, на него невозможно злиться...

– Угадай кто? – слышу прямо у своего уха бархатный голос Алекса. Это как щекотка для моего слуха.

Ничего не ответив, я убираю его ладони со своих очков и оборачиваюсь к парню. Он смотрит на меня своими большими глазами и слащаво улыбается.

– И почему ты опоздал? – прерываю я неловкую паузу. Ал усаживается за своё место и из кармана джинсовых брюк достаёт мятую тетрадь.

– Проспал, – зевнул брюнет. Рокси засмеялась.

– Ты зеваешь, как бегемот... – подружка подняла голову с парты.

От потных рук Ала на линзах очков остались пятна. Я сняла оправу и своей серой майкой принялась протирать стекла. Надеваю «зрительную поддержку», после чего зрение возвращается. Тем временем Рокси и Алекс устроили поединок «подстрекни меня, если сможешь». Такое происходит часто.

– Кстати, Кит, скоро и у тебя день рождения. Где будем отмечать? – вспомнил вдруг брюнет. Я устало выдохнула и закатила глаза. Ненавижу своё день рождения. Это лишняя головная боль: называют родственники со всего белого света, родители желают успехов, когда все прекрасна знают, что в будущем меня ждёт помойка. Меньше всего мне сейчас хочется праздновать своё день рождения, ей богу.

– Забудьте. Праздника не будет, – отрезала я.

– Ну почему?! – возмущается Рокси.

– Кит, шестнадцать лет бывает только раз в жизни!

– Я знаю, точно также, как и семнадцать, двадцать пять, сорок семь... Нет, ребята, серьёзно. Забудьте.

Алекс приобнимает меня за плечо. Я вновь начинаю краснеть.

– Кит Стеллар, я не отпущу тебя пока ты не согласишься на тусовку! – ещё крепче схватил меня приятель. Это меня подстегивает, но я продолжаю быть скалой.

– Мечтай.

– А зря, я ведь сегодня не принимал душ и пахну хуже обезьяны в зоопарке. Хочешь задохнуться?

Тут сработал закон подлости – в нос ударил запах пота, и я начала барахтаться, как рыба, пытаюсь уйти подальше от этого кошмара. Но крепкие руки брюнета не давали мне и шелохнуться. Мне одновременно забавно и в то же время противно от всей этой ситуации, а вот Рокси и Ал продолжают веселиться, глядя на мои тщетные старания выбраться.

– Боже... Отпусти меня, серьёзно! – воплю я.

Меня выбешивает ещё то, что вокруг полно ребят, но им всем нет до меня никакого дела. Черт подери.

– Просто скажи «да», Кит. Я отпущу тебя, – смеётся Алекс.

Я уже чувствую тошноту. Если сейчас сработает рвотный рефлекс, будет очень смешно. И я подумала, почему такое

не произошло с Сарой Бейкер, когда она прыгнула в объятия Харриса. Нечестно.

– Боже, тебе знакомо слово «антиперспирант»?! Это отвратительно!

– Давай же, Кит, сдавайся! – Рокси закрыла нос рукой.

Прошла, наверное, вечность, но я сдалась. Пришлось поднять белый флаг.

– Ты чудовище, Алекс! Тебе срочно нужен душ! – недовольно бурчу я под нос. Харрис от этого смеётся. Ему ничуть не стыдно. Везёт мальчишкам.

– побыстрее бы воскресенье, да, Кит?

На его комментарий я лишь фыркнула.

* * *

Мама дала мне ключи от дома старой кошатницы, настояла взять ею приготовленную запеканку, чтобы я не утомилась с голоду, а после уехала с отцом к бабушке в гости. Отлично, ведь любой подросток мечтает провести вечер пятницы в компании кошек и телешоу. Хотя, думаю надо привыкать к такой жизни, ибо это мое будущее.

Итак, я вышла на улицу и сразу ощутила тёплый ветерок, который развивал мои локоны. На небе светило яркое солнце, хотя я мечтала о ливне с грозой, ибо меня расстраивал тот факт, что все веселятся на дне рождения Сары Бейкер, когда я буду весь вечер кормить кошек и чистить за ними их туалет; и в свои пятнадцать лет у меня неплохо получается.

Это пустяки по сравнению со свинарником и его обитателями. Ох, жуть.

Я прошла по неровной тропинке, поднялась по ступенькам к входной двери мисс Крисберг. Дом был небольшим и стареньким, будто его перестраивали, потом сносили, снова строили, затем опять сносили. Это как игра с пластилином – с каждым разом становится все хуже, а сам пластилин мягким и нестойким. Достаяю из кармана джинсовой куртки шнурок ключей. За спиной замечаю какое-то движение, но пытаюсь не обращать на это должного внимания. Слышу как скрипнула доска под ногами, и меня охватывает волна паники. Я судорожно пытаюсь засунуть ключ в расщелину, но получается это только с третьего раза. Прилагаю усилия, чтоб открыть дверцу, но тщетно. Боже, если за спиной какой-нибудь маньяк-убийца, я заору на весь район, затем брошу контейнер с запеканкой и убегу прочь, болтая руками. Ладно, Кит, насчёт три...

Раз. Два. Три! И затаив дыхание, я оборачиваюсь, но никого не вижу. Стало легче и одновременно тяжело; господи, чуть ли не испустила дух. Украдкой замечаю что-то чёрное-белое у своих ног. Склоняю голову. Эх, столько нервов из-за одного кота. Передо мной сидит один из домашних любимцев мисс Крисберг. Два огромных голубых глаза уставились на меня, жалобно прося кусочек запеканки. Черно-белый комочек шерсти подал голос, и мое сердце сжалось. Ну как противостоять этой магии?

– Мистер Дудлс! Как ты меня напугал, проказник! – смеюсь над своей трусостью я и вновь оборачиваюсь к двери. Вторично попробовав открыть её ключом, я принялась колдовать над замком, но все мои попытки кончились неудачей. Уже подумываю уйти к себе домой. Не быть же мне на улице до наступления сумерек? От безысходности дергаю дверную ручку на себя и та покорно открывается. Стою и пытаюсь сообразить в чем дело. Господи, поражаюсь своей тупости. То есть, все это время дверь была открыта?! Знаете, вселенная просто смеётся надо мной. Возможно меня сделали жертвой какого-то телешоу и сейчас из кустов выпрыгнет человек с микрофоном и камерой, крича мне в ухо: «Кит Стеллар, поздравляем, вы стали героем нашей программы „Смотри и захлопнись“, как вы себя чувствуете?». На тот момент, чисто гипотетически, я бы взяла и надела видеокамеру ему на голову...

Наконец, вхожу в прихожую и пропускаю мистера Дудалса домой; кот, как положено хозяину, проходит мимо меня с гордо поднятой головой, шевеля пушистым хвостиком. Вот воображала. В гостях у мисс Крисберг (кстати, её имя Анна) я уже в семнадцатый раз и знаю тут все наизусть: знаю где скрипучий паркет, где отваливается полка, где не работает кран (на кухне) и где находится кладовая с домашними закрутками, которыми женщина всегда всех угощает. Особенно хвалят её маринованные грибы. Включив в прихожей свет, я виртуозно напеваю песню давно забытой груп-

пы, прохожу в гостиную, а затем резко останавливаюсь. Меня немного удивило то, что я увидела. В уютной кресле-качалке сидит мисс Крисберг, а на её коленях два кота. Женщина смотрит в выпуклый экран телевизора и вяло улыбается, будто пытается понять смысл данной передачи, но ей это не удастся. Домашние питомцы увидев меня с запеканкой в руках сразу устремили свой взгляд в мою сторону, шмыгая влажными носиками.

Неловко откашливаюсь и обращаю внимание старушки на себя; та туманно улыбнулась, обнажив вставную челюсть.

– Добрый вечер, мисс Крисберг. Мама сказала, что вас не будет дома... – произнесла я.

Женщина замолкла и устремила два карих глаза в стенку.

– Да?– Крисберг словно не поверила, а потом быстро, будто вспомнив, добавила: – А, да-да, было дело. Спасибо, но сегодня я решила остаться дома, сил нет. Ты можешь идти отдыхать, дорогая...

Её доброжелательный голос звучал слабее, чем это бывало обычно. Она выдохлась. Ужасно наблюдать за тем, как близкий тебе человек ломается на глазах. Мне вновь стало грустно, будто бы весь белый свет покинул меня, бросил на краю пропасти, не давая шанса на спасение. А ещё стало обидно. То есть, даже здесь я не нужна? Вечер пятницы придётся провести за телевизором. Юху, экстрим, и это лучшие годы моей жизни. Класс. Да у моей девяностолетней прабабушки жизнь интересней, чем у меня. Она встаёт в пять часов утра,

дует свою кобылу, кормит кур и индюшек, идёт на огород, а затем пашет... И это при её больной спине. Воодушевляюсь ею! Наверное, Алекс сейчас поднимает бокал шампанского за здоровье именинницы... Как же нечестно, черт бы все побрал! В эту злополучную секунду мною овладевает злость, которую подкармливает мой пессимизм и негатив к окружающим. В глазах мелькает картинка целующихся Ала и Сары, от этого я крепко стиснула зубы и почувствовала дрожь в груди... Нет, этого мне не пережить. Почему никто не понимает, что все мое существование держится на простом парне, который делает мою жизнь не такой жалкой?! И пусть никто мне не говорит, что я маленькая, что я встречу ещё миллион других, мне нужен только ОН! Потому что он делает меня особенной, делает все особенным. Злость сменилась безысходностью. Даже зная, что слезы ничем не помогут, мы все равно плачем, потому что это единственное, что мы можем сделать. И сейчас, когда мисс Крисберг с недоумением смотрит на меня, когда я в чужом доме, когда вокруг меня коты, я решаюсь отдаться эмоциям и пропустить слезу. Плач – это крик помощи, на который почти никто не отзывается. Никто не хочет помочь мне, все проходят стороной. Я уже чувствую, как горячие дорожки слез скатываются по щекам и бегут к подбородку. С одной стороны мне стыдно смотреть Анне в глаза, но с другой нет сил держать все в себе. Я плачу редко, но если это вдруг происходит, меня уже не остановить. Моими слезами можно затопить всю Флориду.

– Кит, детка, почему ты плачешь? – подскочила с кресла мисс Крисберг. Рыжая кошка на коленях старушки встрепенулась и наострила уши. Я дрожащей рукой протерла лицо и опустила взгляд в пол. Прикусив губу, почти шёпотом отвечаю:

– Простите меня, мисс Крисберг... Просто я очень депрессивная.

Седоволосая старушка сменила тревожный взгляд на понимающий. Её улыбка с неглубокими ямочками внушала такое доверие и чистосердечие, что мне просто-напросто захотелось пасть в объятия женщины и поспать. Я знаю, что покинув порог этого дома, мне вновь суждено встретить вечер в полном одиночестве – ни друзей, ни парня, ни даже родителей или домашнего питомца. Жестокая реальность. Факт первый: ты всегда одинок. Факт второй: никому нет до тебя дела. Факт третий: чем больше ты в это веришь, тем быстрее это станет правдой.

– Дорогая моя, присядь, – старушка указала на рядом стоящее кресло, на котором спал жирный кот с необычной расцветкой – серо-чёрной, его звали Пуфиком. Я аккуратно отодвинула Пуфика и присела на мягкую мебель, что пахла овсяным печеньем, и неуверенно поглядела на морщинистую кожу мисс Крисберг. Для своих лет она выглядела неважно – под узкими карими глазами расположились два огромных мешка, губы были бледноватыми и сухими, на лбу морщины. Я думала китайки – образец молодости, но в очередной раз

ошибалась.

– Расскажи мне, что тебя тревожит? – Анна положила свою тёплую ладонь на мою руку. Я замешкалась. Да, мне очень хотелось с кем-то поговорить, кому-то открыться насчёт чувств к Алексу, но в моем окружении не было таких людей. Рокси, по правде говоря, догадывается об этом, однако я не спешу ей отвечать. Вдруг девушка всем растрепает? Люди бывают не теми, кем кажутся. Взвесив все «за» и «против», я решила довериться старушке, тем самым успокоить свою душу и показать мисс Крисберг, что у неё есть товарищи. Так сказать, взаимовыручка.

– Понимаете мисс Крисберг, – робко начинаю я, но женщина меня перебивает цоканьем.

– Анна, называй меня так.

Я одобрительно улыбнулась и кивнула, переводя дыхание.

– Я чувствую себя одинокой и ненужной в своей же жизни...

На мое заявление мисс Крисберг рассмеялась, прикрыв глаза морщинистой рукой. Её реакция, конечно, была мне не ясна, ибо я делюсь с ней чем-то откровенным, изливаю душу, а она смеётся... Да, плохая была идея. И о чем я только думала?!

– Милая моя, как ты такое можешь говорить? Ты вовсе не одинока! У тебя есть родители, бабушки с дедушками, сестра, друзья...

С последним Анна прогадала.

– Нет у меня друзей, мисс Крисберг... Ой, то есть, Анна, – мой голос был таким жалким и я сама была такой жалкой, аж тошнит от всего этого.

– Не верю! У такой милой девушки нет друзей?! Абсурд, ей богу! – старушка поправила белый плед на плечах.

– Но это правда. Хотя, есть один мальчик...

– Вот! – воскликнула мисс Крисберг, выражая свою правоту и убеждённость.

–...Но для меня он больше, чем просто друг, – закончила предложение я и сразу пожалела. К щекам подобралась кровь, а в груди все горит, как при извержении вулкана. Как оказывается стыдно говорить кому-то о своих чувствах, и это не есть хорошо. Люди забыли об открытости. Не могут сказать «люблю» и страдают всю свою жизнь. И проблема не только в них самих, а также и в обществе. Общество травит людей, затыкая им рты. Если у человека другие ценности, цвет кожи, нация или вера, его начинают дразнить, совсем позабыв о том, что мы все равны. И никакие деньги не вправе диктовать нам наше место в мире. А самое ужасное то, что и я об этом порой забываю. Мечтаю о роскоши, когда роскошь уже передо мной – моя семья.

Мисс Крисберг залилась румянцем, а в глазах её был янтарный блеск. Она смотрела на меня, как на какой-то редкий камень, который все хотят заполучить, но никому не удаётся его разыскать. И признаться, мне нравилось, то как она на меня смотрела. Её тоненькие губы обнажили белоснеж-

ные зубы, и женщина отрывисто засмеялась. Опять я ощущаю стеснение и желание спрятаться под кровать, как делала это в детстве во время грозы.

– Ах! Помню свои девичьи годы, это ли не жизнь... У меня были две лучшие подруги, которые отличались редкой красотой. В субботу, в нашем городке, если не ошибаюсь штат Теннесси, устраивали каждый вечер танцы, и конечно мы не пропускали такую возможность, чтоб потанцевать. Ох, помню-помню, я надевала красивое платье в горошек, волосы завязывала в хвост, брала у мамы самую лучшую обувь и бежала в пляс... – смеётся Анна. – Честное слово, на родине меня бы убили за такое поведение, но так как я родилась и выросла в Америке, то могла спокойно продолжать свой образ жизни. И вот, на эти танцы всегда приходил один молодой человек... Как же его звали, как же звали... – старушка нахмурила почти незаметные брови, пытаясь вспомнить имя из прошлого. – А! Его звали Марком. Ой, он бы просто красавцем! Кожаная курточка, брючки, белая майка, волосы покрытые лаком... Марк не был непохож ни на кого. Тогда в моду пришёл гаражный рок, и все молодые люди раскрепостились, все, кроме меня. Видимо, именно это Марку во мне и понравилось.

– Он влюбился в тебя?! – прикрикнула я, не скрывая восторга и совсем позабыв о том, что передо мной взрослый человек. Прикусываю язык. «Ты»? Кит, совсем спятила уже?

– Ха! Влюбился... – хмыкнула Анна. – Он был от меня

без ума!

Мы одновременно засмеялись. Я поудобнее села в кресло и продолжила слушать рассказ из прошлого мисс Крисберг, не тая интереса.

– Марк всегда приглашал меня на танец, пытаюсь, как это у вас сейчас говорится – развести на поцелуй? – я вновь рассмеялась. – Однако, ему не везло. Я не разрешала. Первый поцелуй должен быть особенным! И вот появился он – Чарли – мой покойный муж. Мы познакомились с ним как раз на танцах... Эх, вернуть бы молодость...

– Вы скучаете по мужу?

Блеск в глазах женщины погас и она вновь покрылась безжизненностью. По коже прошлась дрожь. Я сглотнула.

– Ты безумно скучаешь по любимому человеку, пока он в отъезде, но когда этот человек мертв, ты начинаешь считать дни, чтобы с ним воссоединиться. – Анна взглянула на портрет своего мужа, который стоял на одной из полок старого шкафа. Мужчина был на фотографии молод, красив. У него чёрные кудри, ровный заострённый носик, немного пухлые губы и большие глаза. Это и есть Чарли. Смотрю на мисс Крисберг и понимаю, что настоящая любовь выдержит даже смерть. И я уверена, что когда-нибудь ей снова выпадет шанс обнять его. Любовь – вырытая могила, куда должны лечь оба, чтобы быть вместе до конца. Но бывает, что один толкает другого в яму и убегает, совсем наплевав на любовь. Замечаю слезы на щеках мисс Крисберг. И непонятно: это она от

счастья, от ностальгии или от боли? Старушка протерла глаза пледом и шмыгнула носом. Коты на её коленях подняли головы и посмотрели снизу-вверх на свою хозяйку; они почувствовали, что Анне грустно, как это мило. Хоть кошки с ней рядом... Знаете, животные гораздо милосерднее людей.

– А что за это мальчик? – внезапно вспоминает старушонка. Я неловко выдыхаю. Теперь моя очередь рассказывать историю «любви». Хотя тут и пояснять нечего.

– Он мой лучший друг и даже, можно сказать, единственный... Его зовут Алекс. И... и он мне очень нравится, — чистосердечно сказала я.

– А ты ему?

– А я ему нет. Для него я просто друг.

– Милая, помни, что соль и сахар схожи на вид.

– К чему вы это? – не соображала я, поправив очки на носу.

– К тому, что ты думаешь о соли, а в руках держишь сахар. Иными словами, может он в тебя влюблён, но, как и ты скрывает свои истинные чувства.

На моем лице загорелась улыбка надежды. Боже, если это так, то я просто взорвусь от счастья. Слышу собственное сердце – оно бешено стучит его именем, и это для меня, как ночной фейерверк или брызги шампанского. Внутри словно расцвел цветок, вокруг которого порхают бабочки.

– А как мне понять, где сахар, а где соль?

Анна хмыкнула.

– Нужно попробовать.

* * *

Родители вернулись к восьми часам вечера, до тех пор я сидела в доме с мисс Крисберг и училась играть в маджонг. Мы с ней очень хорошо поладили, и теперь считаемся добрыми друзьями. Проблемы объединяют людей...

К счастью, завтра выходные, а значит свободный день, который я проведу лёжа на кровати в обнимку с книгой. Хоть и вечером на лазурном небе светило солнце, сейчас же висят хмурые тучи и идёт небольшой дождь. То, что надо для затворников. Несмотря на мою «серую» личность, я предпочитаю сухую погоду; сырость – нет, это не мое. Беру в руки планшет и падаю спиной на кровать, протяженно выдыхая. Этот день прошёлся по мне. Хочется скинуть с себя одежду, кожу и расслабиться так, как никогда прежде. Включаю песню группы «5 Seconds Of Summer» и пытаюсь выбросить из головы того, о ком не думать невозможно. Но песня мне поможет:

«I drove by all the places we used to hang out getting wasted

I thought about our last kiss, how it felt the way you tasted

And even though your friends tell me you're doing fine

Are you somewhere feeling lonely even though he's right beside you?».¹

Не получается. В подсознании сложился целый видеоклип: мы с Алексом гуляем по парку, кругом все черно-белое; он держит мою руку, а потом вдруг резко исчезает. Я ищу его, зову, но Ала нет. Оборачиваюсь. Замечаю Сару Бейкер, которая обнимает Алекса и улыбается, а он гладит её волосы. Чувствую такую опустошённость, словно меня выжидали десять раз подряд. И даже зная, что эти картинки плод моего больного воображения, я все равно начинаю плакать, как и в клипе, так и в реальности. Меня захлёстывают эмоции. При одной лишь мысли, что тот, кого я люблю будет с другой, меня начинает трясти. С этим не смириться. Я приложила к губам ладонь и начала сжимать ею рот, чтобы не было слышно всхлипов. Скручиваюсь в клубок. Картинки в голове продолжают. Я бегу к Алексу, но тот исчезает, как и его подружка. Вновь пытаюсь разыскать его. Подул ветер, и меня унесло куда-то в серое небо...

Фильм в голове прекращается – меня перебило уведомление, что пришло на мой сотовый. Протираю рукой щёки и хватаюсь за мобильник. Сообщение от Алекса: «Набери мне». Сердце замерло. Неужели он уже дома? Немедля я выполняю его просьбу. Раз гудок... Два гудок... Три... Четыре...

¹ Amnesia – 5 Seconds of Summer.

Он снял трубку.

– Алло? Алекс? – завопила радостно я, будто бы не слышала его голоса пять лет. Но все счастье сняло рукой за одну лишь секунду. На другом конце линии слышен чей-то смех, громкая музыка и какой-то гул. Чувствую в груди укол, а по спине прошёлся холодок, от которого кожа покрылась мурашками. Женский смех. Это... это голос Сары Бейкер!

–...Алекс! Перестань! – смеётся она. – Какой ты милый!

По щеке к подбородку покатилась слеза и разбилась об чёрный экран планшета, в котором все ещё играла песня. За что мне это?! Внутри, где расцвёл цветок с бабочками все сгорело и превратилось в прах. Не успеваю ничего понять, голова неимоверно кружится. До меня эхом доходит смех Алекса, затем Сары, цоканье бокалов, музыка... Зачем он прислал мне сообщение?! Поиздеваться?! Напомнить, что я для него ничего не значу?! Глупая! Глупая!

Беру в руки телефон и прерываю разговор, швырнув его куда-то назад; послышался глухой удар. Боже, как хочется раствориться и перестать существовать, чтоб облегчить жизнь всем. Когда ты сплошная обуза – всем плохо, все хотят избавиться от тебя, и знаете, я их понимаю.

Следующую минуту я начинаю рыдать навзрыд, проклиная все на свете. Прекрасный день, нечего добавить.

Глава 4. С днём рождения, Кит

Если бы можно было бы остановить дождь в самом разгаре ливня. Остановить и с упоением наблюдать за волшебством и чудом. Ого, капли замерли в воздухе, как чудесно! Ты касаешься серебряных «жемчужин» и они лопаются, вмиг оказываясь на холодной земле. Это так необычно, и кажется, что ты упала в кроличью нору, где время, как и дождь, застыло; где все вверх тормашками, где все спрашивают «...наша Алиса?», разве не странно? А ещё было бы чудесно хотя бы задержать на несколько мгновений время и насладиться минутой тишины, раствориться в ней. Забыть и послать к черту любовь, друзей, учебу и какие-то там бредовые правила, типа не есть в гостиной, ибо мама против. Сказать честно, я всегда настаивала на том, что в будущем, когда съеду от родителей, буду делать все то, что они мне когда-то запрещали. Это было моим величественным планом мщения, вот только кому именно – предкам или своему организму, неизвестно. Годы проходили, сквозь пальцы утекли недели и наступил этот день – день моего шестнадцатилетия. Возможно бы многие устроили шумную вечеринку с пиньятой и фейерверком, однако я, находясь в самом дне своего подросткового возраста, предпочла своё внимание чипсам и роману «Хладнокровное убийство»².

Начнём с того, что я всю субботу игнорировала звонки и

сообщения от Алекса, а также от Рокси и... все, больше мной никто не интересовался. Наверняка Алу было интересно а) почему я его избегаю; б) где, когда и с кем будет проводиться мой день рождения. Но знаете, когда человек, который тебе дорог повёл себя ужасно, ты постепенно разочаровываешься в нем. И связи с последними событиями, к Алексу Харрису я ощущала лишь неприязнь. Что-то в нем меня отталкивало, и я хорошо знала, что стоит мне раз взглянуть ему в глаза – и все, мое сердце позабудет про обиды и нанесённые шрамы. Поэтому надо держать колоссальную дистанцию.

Итак, мой день начался достаточно обыкновенно. Если по будням меня будоражит будильник, то в выходной, когда любой человек мечтает поспать подольше, мне начали названивать родственники. Кэрри. Родная сестра – это любое действие, даже во имя любви, назло. Ну объясните мне, как можно поздравлять в девять часов утра?! Человек же спит! Единственное мое желание **ВЫСПАТЬСЯ!**

Еле раскрыв веки, я дотянулась до чёрных очков, которые беззаботно, как и полагается, валялись под кроватью и надела их на глаза. Ура – картинка перестала плыть. Кэрри пожелала мне школьных успехов, удачи, любви и исполнения всех начинаний. Всю её речь мне пришлось разделить на три пункта:

- 1) Нет и не может быть никаких школьных успехов – я полный ноль.
- 2) Удача, она же фортуна, она же «черт подери, где же это

везение», всегда обходит меня стороной. К примеру, во время важного теста, когда меня попросили передать шпаргалку, я уронила листочек и сдала всю операцию «не провалить тест 007», и меня выгнали. Или вот ещё, я решила взять в китайском ресторане печенье с предсказанием, но увы в печенюшке не было никакой записки. И это можно перечислять до нового года.

3) Какие ещё начинания? Какое будущее с моим отношением к жизни и «оптимизмом»? Как найти работу, если тебя интересуют лишь книги, комиксы и еда. Сидеть на шеях родителей? Твёрдое «нет»!

В итоге, я лишь кивнула и сказала «спасибо огромное», а стоило «спасибо огромное за неправдивые пожелания и напоминание какое я ничтожество».

Прошло два часа. Я пыталась снова заснуть и насладиться покоем, но это слишком недостижимое желание.

Схватив мобильник, я вышла в пижаме из своей комнаты в надежде, что дома только я, холодильник и коты мисс Крисберг, но и сейчас меня ждало разочарование. Больше всего на свете ненавижу в днях рождения именно момент произношение речи – эти слова, мимика, жесты – все нервирует, и появляется желание бежать со всех ног куда-нибудь прочь, подальше от суеты и людей, туда, где есть деревья и голубое ясное небо. В городе полным людей, хочется немного свободы.

Я слышу запах пригоревших тостов. Из кухни исходит

шум воды и посуды, а это означает лишь одно – мама дома. Класс, день удался. Встаю на носочки и тихими шажочками крадусь мимо открытой двери кухни. Раз шаг, думаю о мультфильмах, которые сейчас прокручивают по местным каналам. Два шаг, вспоминаю утреннее поздравление сестры. Три шаг, начинаю улыбаться, ибо мое поведение забавляет. В собственном доме, словно воровка или убийца. Забавно же!

– Кит! – слышу за спиной звонкий тоненький голос мамы, которая рванулась ко мне со скоростью звука. Я не успеваю обернуться, как уже падаю в крепкие объятия женщины. Её ухоженные ручки гладят мою спину, а губы целуют все лицо, отчего я скручиваюсь и пытаюсь выбраться из этого плена ласок. Мне, конечно, приятно, но я боюсь замкнутого пространства... Кривлю недовольную гримасу.

– Мам, я сейчас... сейчас задохнусь! – моя рука пытается отодвинуть от себя женщину; сперва та противится, но затем сдаётся и отступает назад. Наконец вздыхаю полной грудью, стараясь перевести учащенное дыхание. Сердце в груди быстро и больно бьется, как при сильном испуге.

– Дорогая моя, мой цветочек! – продолжает мама, улыбаясь во все зубы. – Мой ангелочек! С днём рождения! Желаю тебе всего самого лучшего! Люблю тебя больше жизни! Только ради вас с Кэрри живу! – темноволосая женщина вновь обнимает меня и целует в макушку головы; от этого мое сердце растопилось.

И вот это я тоже не люблю в поздравлениях. Только родители способны вызывать во мне непонятные чувства – неловкость с ностальгией и каплей любви. Мы стоим с ней в тишине и минуты две просто обнимаемся. Как дороги эти мгновения. Цените родителей, ведь однажды не будет шанса их обнять. От такой мысли меня бросает в дрожь, я мгновенно покрываюсь мурашками.

– Да, спасибо, мам, я тоже люблю тебя. Ты лучшая...

* * *

Она подарила мне диск с записью моих любимых романов, которые я могу перечитывать бесконечно. Мама знает как обрадовать меня, жаль ей не всегда удаётся быть рядом. Всякий человек может тебя огорчить, но не каждый способен порадовать. И мои родители одни из таких людей.

Я уже около трёх часов лежу на диване, поедая шоколадные хлопья и смотря мультфильм про дятла Вуди. В детстве он мне очень нравился, я была без ума от его смеха, но сейчас, немного набравшись ума, я осознаю, что эта птица – исчадие ада. Только вообразите, что вас все время достаёт какой-то синий дятел с необычным смешком. Вы сразу подумаете, что больны или надышались краской и вам это мерещится. Однако... Думаю, авторы идеи этого мультфильма хотели донести до зрителей правду – в реальной жизни есть такие дятлы, которые все время капают на мозг, заставляя человека думать о самоубийстве. Выдыхаю. Все так бес-

смысленно. Никогда не понимала, почему люди так любят своё день рождение? Из-за подарков, излишнего внимания? Но ведь это на один день... Ценить надо людей, которые тебя вспоминают не только на день рождения. Однажды, когда я ещё училась в другой школе, где все меня презирали, одна девочка покончила с собой на своё двенадцатое день рождение. Она была моей одноклассницей. После её смерти пошли разговоры о том, что она была психически нездоровым ребёнком, что девочка курила и пила. Это ложь, сразу говорю. Лондон, так её звали, никогда не заикалась о самоубийстве, лишь один раз пошутила, сказав: «Был бы парадокс, умереть на своё день рождение...»; что и случилось. А знаете почему она так поступила?! Из-за монстров, которым помимо роскоши ничего не важно. Печально то, что у людей денег больше, чем совести. Да, у Лондон были финансовые проблемы в семье, ну и что?! Зачем смеяться над её одеждой, над тетрадками? Ты начинаешь разбираться в людях, когда они выпускают когти. Возможно, были и другие причины самоубийства Лондон, никто этого уже никогда не узнает, но мораль этой истории такова: главное всегда оставаться человеком, ведь красота, деньги и престиж на время, а человеком тебе быть всю жизнь. И вновь по коже прошли мурашки...

На плазменном телевизоре появилась заставка какого-то телешоу. Вуди закончился. Я хотела было переключить канал, как тут пришло сообщение на сотовый телефон. Краем

глаза вижу имя.

Рокси: С днём рождения! Ты где пропала?

Нет желания отвечать. С самого начала я была против за-теи с вечеринкой. Дни рождения лишь напоминают о том, какие нам ошибки удалось совершить. Давайте прокрутим все вместе:

1. 24 ноября 2015 года. Я настроила против себя весь педагогический состав и меня чуть ли не выставили из школы. (Ничего особенного. Просто было плохое настроение, и я оторвалась на учительнице по английскому).

2. 15 марта 2016 года. Неудачница Кит училась ездить на велосипеде и сбила пешехода, а именно взрослого дядьку, который чуть ли не убил меня на месте. Пришлось бежать.

3. 8 мая 2017 года. Мне позволили доучиться в (бывшей) школе и поставили условие, в котором говорилось о моем переводе.

А что поделать? Не сдружилась с одноклассниками, дра-лась и бурно реагировала на замечания. И мне страшно, что история может повториться. Я не хочу вновь быть изгоем, и кажется, Алекс этого не допустит. Однако, доверяя человеку, стоит всегда оглядываться назад. Возможно в лицо вам улыбаются, а затем медленно доводят до самоубийства.

– Праздничный завтрак! – говорит мама, проходя к ди-вану с тарелкой яичницы и газировкой. Я наиграно улыбну-

лась. Да, не это у меня ассоциируется с праздничным завтраком. Я привстала и взяла из рук мамы фарфоровую посуду. Женщина села рядом со мной, продолжая улыбаться. Класс, видимо будет наблюдать как я ем. Всегда замечала у мамы эту привычку. И, если честно, меня это нервировало... Тише, Кит, ты спокойное море... ты ветер... Кто-то перед сном пересмотрел китайские мультфильмы.

– Ну, какие на сегодня планы? – довольно заулыбалась мама, когда я положила в рот кусочек яичницы.

– Посмотрю телик, потом, может быть, загляну к мисс Крисберг, а затем спать.

Мама нахмурила брови, но старалась спрятать негодование за маской «поддержка глупой идеи дочери».

– А разве ты не хочешь сходить в кино с подружками или пригласить друзей в гости?

Честно, мне захотелось смеяться, но я физически не могла, ибо мой рот забит завтраком, и если я начну хохотать, то плазменный экран телевизора покроется кусочками пережеванного желтка.

– У меня нет друзей, мам, ты забыла? – проглотила комок в горле я, а затем отпила глоток содовой.

Мама замешкалась и вновь возмутилась. О нет, сейчас она заведётся и начнёт пилить мне мозг, повторяя все те же слова: «Кит, что ты такое несёшь?! У тебя есть друзья! У всех они есть!», потом начнётся спор и в итоге ссора. А мне этого вообще не надо. Я доела поздний завтрак и вручала пустую

тарелку маме, которая была рада моему зверскому аппетиту, а то по словам родителей питаюсь я «как мышка».

– Пригласи в гости Алекса. Включите фильм, я дам вам денег, купите сладкого. Хорошая идея, м? – мама была почти горда собой. Она любила предлагать идеи, только вот никто их никогда не замечал, даже папа. Хотя порой мысли у мамы блестящие и достойны внимания со стороны.

– Не хочу, – отнекиваюсь я, поправляя очки на носу.

– Почему?

– Потому что в свой шестнадцатый день рождения я хочу остаться одна. Мне уже шестнадцать лет, а у меня нет друзей, целей и смысла жизни. Я просто мусор, который рано или поздно перестанет существовать!

– Кит! Что за пессимистические мысли? Ты думаешь неверно! Не «уже», а «всего лишь» шестнадцать лет! Ты ребёнок, у тебя все только впереди. Будут у тебя друзья, целая толпа! – мама жалостливо улыбнулась. Отлично, прекрасно! Она меня жалеет. Ненавижу это!

Я лишь фыркнула и закатила глаза, устремив своё внимание к телевизору, по которому показывали какую-то чушь. Вы никогда не замечали, что по будням, когда все на работе или на учебе, по телевизору идут хорошие фильмы и передачи, а по выходным показывают сплошное дерьмо. Закон подлости? И это тоже сильно бесит. Боковым зрением замечаю мягкий, но недовольный взгляд мамы. Она прямо-таки испепеляет своими глазами; от этого становится весьма неуютно.

Жаль, что у людей нет панцирей, как у черепаха. Миг – и ты спрятался в своём мирке, где людям до тебя не добраться. Я прямо-таки ощущаю неловкую тишину и напряжение между мной и женщиной, которая неуклюже поправила чёрные волосы вперёд и выпрямила плечи, обещая покинуть гостиную. Знаю, что должна сказать ей что-то, поддержать разговор. Может, «спасибо»? И все же верно – я болтаю в мыслях больше, чем наяву. Однако надо поступить правильно, но правильно порой мне не выгодно, а такое положение влечёт за собой череду неприятностей. Как бы мне сейчас сказали: «Ты и есть самая большая неприятность!»; и да – это правда.

Мама, тяжело выдохнув, встаёт на ноги и грустно смотрит куда-то вперёд то ли на стенку, то ли сквозь неё. В груди все замерло, и сердце предательски заныло. Чувство такое, что я что-то делаю не так, а по сути, я вообще все делаю не так.

– Мама! – окликнула я, и она резко повернула голову. – Ты огорчена? Прости...

На её бледновато-жёлтом лице расплылась слабая улыбка, которая появляется в те моменты, когда надо смолчать правду. Никто не хотел бы слышать то, после чего ему потом будет плохо.

– Нет, конечно же, нет, – она улыбнулась шире, и её сухие губы чуть потрескались, – просто ты должна веселиться.

– Мне весело, – вру я.

– Когда человеку весело он не сидит на диване в пижаме

и не смотрит мультики, Кит.

Почему-то мне стало смешно, хотя с другой стороны хотелось горько плакать.

– У нас с тобой разные понятия о веселье. Честно, все хорошо, я счастлива... – опять эта наглая ложь.

Я вовсе не счастлива, я вовсе не довольна своей жизнью. Мне абсолютно все не нравится! Если бы можно было бы не родиться, я бы не родилась, но кто меня спрашивал?

Мама лишь кивнула. А что ещё сказать? Верно – нечего.

* * *

«С днём рождения!»

«Поздравляю!!!»

«Кит, счастливого дня рождения!»

На все три сообщения я ответила скудным «спасибо», ибо они были отправлены мне не Алексом. Приятель наверняка развлекает Сару Бейкер. Обидно, когда тебя заменяют, особенно, когда это тот, кого ты любишь. Сейчас бы многие посоветовали мне бороться за любовь, но разве это честно? Почему я должна бороться одна? Ради кого? Бороться за чувства, на которые человеку плевать, справедливо? Мир – кусок дерьма, без логики, честности и цены. Дешёвая пародия на сказку со «счастливым» концом.

Вдруг меня охватила такая тоска, а по телу прошёл ток, и я почувствовала тяжесть в солнечном сплетении. Голово-

кружение. Даже в праздник я одна. Одинока всю жизнь: ни друзей, ни парня, ни близких. Как бы мама не старалась создавать иллюзию счастливой семьи, у неё получалось неважно. Одиночество – это чёрная тень, в которой спрятаны все страхи человека, и пользуясь этими страхами, тень ломает нашу жизнь. Я в тени своей жизни.

В конце концов, собравшись с мыслями и приведя себя в более живой вид, я решила заглянуть в гости к старушке, что живет в доме в двух метрах от нас. Знаете, если потренироваться (советую этого не делать), то можно допрыгнуть с моего подоконника до окна спальни мисс Крисберг, если, конечно же, оно будет открыто. Но и это на вряд ли, ибо Анна боится за своих кошек. А вдруг они выпадут из окна? Моя комната похожа на что-то среднее между «помойка как вид искусства» и «здесь творческий кризис». Благо мама не ругалась – в честь праздника можно и не убираться. Никогда не понимала, что всех так тревожит беспорядок в моей комнате? Зачем в неё заходить? Она МОЯ комната, мой уголок тишины и личного пространства.

Под сугробом мятых вещей, я нашла легкий желтый сарафан с белыми клеточками, который раньше по неизвестным мне причинам я не носила. И вправду, почему? Зато сейчас этот наряд удовлетворил мои потребности «быть самой красивой». Затем я расчесала волосы или точнее сказать вырвала их с корня, потом нанесла блеск для губ и протерла очки своим платком. Да, я готова идти к мисс Крисберг. Увере-

на, она сможет вывести меня из пассивного состояния, когда чувствуешь удар под вздох и в спину. Но не тут-то было. Слышу звук сообщения, и буквально подбегаю к мобильнику.

Алекс: Выгляни в окно своей спальни.

И внутри все затрепетало, словно сзади появились крылья, и теперь я могу летать наравне с птицами. Дурацкая улыбка застыла на лице, а в глазах загорелись огоньки. Это так странно и забавно одновременно – простой человек заставляет тебя улыбаться. Все перевернулось с ног на голову, и в данный момент хочется подбежать к окну, выглянуть из него и подобно Джульетте слушать речь прекрасного Ромео. Вдруг в сердце что-то щёлкнуло, а меня осенило. Раньше я не верила в любовь в пятнадцать лет, но сейчас, вспомнив о трагедии Шекспира, стало ясно, что «любви все возрасты покорны». Но вся сложность любви в том, что трудно понять, где она настоящая, а где фальшивая. Это обременяет. Хочу поступить так, как сказано в сообщении, но обида берет надо мной вверх, подобно демону, который шепчет на ухо: «Не смей прощать подлеца! Он лгун и предатель!», и хочется поддаться. Вспоминая телефонный звонок с вечеринки Бейкер, я впадаю в ярость, а ярость ослепляет. А после злости наступает переломный момент – боль. Испытывать боль очень неприятно, но необходимо, ибо она закреп-

ляет в человеке сочувствие. И вот я покажусь ему, увижу его красивые карие глаза, алые губы, прекрасные шелковые волосы, подобные гляncу; и что же дальше? Вновь привяжусь к нему, как бесхребетная дворняга, вновь докажу себе, что не способна прожить без него и дня, а потом? Кромешная тьма. Когда человек тебя не любит, ты начинаешь строить иллюзии, после которых сложно принять горькую на вкус правду. Глупая! Зачем полюбила то, что тебе не принадлежит! Это как влюбиться в чужую игрушку, которая никогда не станет твоей; и ты просто смотришь на неё и ничего не можешь поделать. Однако... Выдохнув всю трусость из легких, я решительно подхожу к своему окну и отодвигаю шторы, репетируя своё приветствие. Лучше сказать «привет» или просто молчать, или, улыбаясь, помахать ручкой? Ах, к черту все!..

Я облакачиваюсь на белый подоконник и выглядываю во двор, сразу же получив мягкий поцелуй осеннего ветерка. Слышу шелест листьев, которые пока ещё не опали на бледно-зеленую лужайку. По воздуху витает запах скошенной травы, и сразу на ум приходит картинка альпийских гор... Красота. Наклоняю голову вниз и замечаю самую красивую улыбку на планете. Этой улыбкой можно заменить ночью полумесяц. Сердце начало выдумывать свой ритм биения, и стало на мгновение страшно. У меня что, жар?.. Алекс стоит, улыбается и держит в руке тридцать, а то и больше разноцветных воздушных шаров, которые таки рвутся к моему окну. Мною увиденное заставляет забыть обо всех обидах, я

по-детски улыбаюсь. Невозможно устоять перед шариками – это моя слабость.

– Боже мой! – воскликнула я, прикрыв рот руками. Такой сюрприз застал меня врасплох, хочется смеяться и прыгать, визжа, как ненормальная, сбежавшая из психиатрической клиники. Ал подхватил мой смех. Подул ветер, и шарики наклонились в сторону.

– С днём рождения!!! – кричит парень, его голос доходит до меня глуховатым эхом, будто он находится в километре от окна.

– Не могу глазам своим поверить! Я думала ты забыл...

– Забыть о твоём дне рождения? – удивленно поднял брови Ал. – Никогда! Я готовил сюрприз, лови!

Брюнет отпускает шары, и они взлетели в небо, однако, я их успеваю схватить, но в комнату, а тем более в окно они не вмещаются. На меня набросился приступ смеха. Из-за десятков разноцветных шариков, я не вижу друга, да и весь мир кругом. Пытаюсь растолкнуть «сюрприз», но ничего не выходит. Это забавляет ещё больше.

– Алекс! – хохочу я. – Они не помещаются! Я застряла!

От услышанного брюнет дико рассмеялся, и кажется, упал на газон. Моя рука уже онемела. Мне смешно и больно в один момент. Вот и приключение на мою голову.

– Привяжи к ним что-нибудь тяжёлое, – кричит Алекс.

Я оглянулась. Поблизости ничего весомого.

– Как? Я не могу дотянуться! Мне нужна твоя помощь!

Больше его слышно не было. На секунду мне показалось, что друг бросил меня и убежал, но глупые подозрения развеялись, когда дверь открылась, и в комнату вошёл парень среднего роста. Увидев меня в позе «бабулька, у которой свело спину», Харрис расхохотался по-новому, тем временем я готова взорваться от злости, как вулкан Этна.

– Что стоишь?! Помоги уже! – сквозь стиснутые зубы рычу я. Ал бросается с места и бежит вызволять меня из «воздушной» ловушки. Либо он делал это специально, либо в комнате правда не было тяжёлых вещей, но брюнету потребовалось минуты три, чтобы найти что-то тяжкое. И это была стопка учебников, которую мы привязали к шарам, и они покорно и быстро опустились на зеленую лужайку. Я сразу принялась разминать руки и недовольно кряхтеть. ЛЧ смотрит на меня, не скрывая улыбки и молчит, хотя по его лицу было видно, что тот хочет начать беседу.

– Господи... – массирую шею я, мечтая о горячей расслабляющей ванне. Затем успеваю разглядеть и оценить внешний вид друга: сегодня на нем белая майка, джинсовый пиджак и голубые брюки. Он выглядел стильно и очень, ну о-о-очень красиво. Алекс облизнул нижнюю губу и поправил волосы набок.

– Зато мой сюрприз ты запомнишь надолго, – замечает тот.

– О, бесспорно это так! – начинаю смеяться.

Парень делает шаг ближе. Я замерла.

– Ну и это ещё не все... – Алекс с хитрой ухмылкой подходит ко мне и достаёт из кармашка джинсовой куртки пачку сигарет. Я с недоумением и каким-то не пренебрежением смотрю на сигареты, пытаюсь понять шутка ли это? Но лицо парня было достаточно серьёзным.

– Эм, – прикусила губу я, – сигареты? Но я не курю...

Алекс украдкой поглядел на меня, таинственно улыбаясь, и протянул мне пачку.

– Ты сначала открой её.

Недоверчиво беру из его рук упаковку и поступаю приказу друга, переводя взгляд с сигарет на Алекса, а затем наоборот. Мысли в голове перевернулись. Они перекрикивали друг друга: что это может быть? Где подвох? Ал такой милашка...

Спустя время, мне наконец удаётся открыть пачку и я замечаю внутри... сигареты? Он правда подарил мне сигареты? Да, ему удалось вызвать у меня удивление.

– Даже не знаю что сказать... – хмыкаю я, сглатывая комок. – Сигареты... Спасибо, если начну курить, обязательно...

ЛЧ начинает хохотать, тем самым перебив мою речь. Я в полнейшей растерянности. Что тут смешного?

Приятель выхватывает из моих рук пачку сигарет и достаёт из неё кулон. Самый красивый и дорогой для меня кулон... Цепочка с китом. Я вмиг озаряюсь улыбкой и начинаю прыгать от восторга.

– Боже мой!!! Боже! Это же... А-а-а-а!!! Ты запомнил мой рассказ?! – кричу во все горло я, прикрывая покрасневшее лицо руками, откинув голову назад. Ал радостно улыбается. Ему приятно, что он попал в точку с подарком. Дело в том, что в детстве, когда я жаждала быть особенной, всегда хотела иметь подвеску с китом, которая бы олицетворяла меня саму. Это же прикольно – носить кулон, олицетворяющее твоё имя. Я поделилась мечтой детства с Алом, а он её воплотил в жизнь! Разве не чудесно?!

Не могу в это поверить! Меня прямо-таки распирает радостью и счастьем. Удивительно, ведь этот день обещал быть самым отстойным из всех дней в моей жизни, и лишь один человек изменил все... Алекс помогает мне надеть цепочку, а затем обнимает меня и шепчет на ушко «с днём рождения». От его голоса волосы встали дыбом. Он обнял меня... пусть это длится вечно... Я начинаю таять.

– Спасибо...

– Но и это ещё не все, – отодвигается тот, хватая меня за плечи.

– Что? Это не все? Ты сводишь меня с ума! – заключаю я, поправляя подвеску с китом.

– Милая, все только начинается, – подмигнул мне брюнет, – как насчёт прогулки?

– Но...

Ал перебивает меня, тараторя о чём-то своём; он берет мою лёгкую курточку и ведёт нас к двери, все ещё болтая без

умолку.

– Ал...

– Все будет отлично! Давай-давай, пошли.

– Но Алекс!

В итоге парень не дал мне договорить и мы ушли, оставив воздушные шары под моим окном.

* * *

Мы бредём по улицам города и беззаботно смеёмся над лицами людей, которые смотрят на нас, как на ненормальных. Алекс копирует походку незнакомцев, а я начинаю громко хохотать, повторяя за ним. Солнце, которое било прямо в глаза, скрылось за пеленой перистых облаков, и над нами повисла слабая тень. Ветер развивает мои вьющиеся каштановые пряди и сарафан. В такие секунды понимаешь как прекрасна жизнь. Рука Алекса лежит на моем плече, и от этого я улыбаюсь, словно кто-то дал мне по голове тупым тяжелым предметом. Он рассказывает о том, как долго думал о подарке, как искал кулон, как был взволнован, понравится ли мне сюрприз. А мне все очень понравилось... Потом Ал начал рассказывать о том, как его встретила моя мама, и судя по его словам, она опешила. Зато позже обрадовалась, видя меня счастливой и жизнерадостной.

Улицы Форт Уэстенда³ особенно привлекательны по вечерам, когда весь город оснащается фонариками, светящимися

³ Форт Уэстенд не существует.

вывесками и фонтанами с подсветкой. Словно мы все живём на праздничной новогодней ёлке с гирляндами и игрушками. Форт Уэстенд заманивает туристов своими волнами на песчаных пляжах. Любители сёрфинга приезжают каждое лето, чтобы укротить свою волну. И я бы не хотела покидать это место, оно по-своему райское. И здесь все мои воспоминания... пусть и плохие.

Спустя минут двадцать, мы дошли до велопарка, который располагался рядом с пляжем. Вокруг пальмы, кустарники разных фигур и форм, деревья, а затем открывается вид на Атлантический океан. Вокруг сплошная растительность. Время уже около пяти часов – солнце покидает Форт Уэстенд. Алекс идёт впереди меня, расхваливая этот парк, ибо здесь, как парень утверждает, мало народу. Но вдруг тут я вижу целую толпу велогонщиков, которые чуть было не сбили меня с ног. Я просто стояла и не могла двинуться с места; благо Алекс вовремя оттолкнул меня в сторону... Ха, если бы сейчас случилась маленькая авария, я была бы второй Лондон с парадоксом. Да, очень малоллюдно... Мы усаживаемся за пустую деревянную скамейку, на которой открывался вид прямо на пляж, где загорали или играли в волейбол местные жители. Где-то неподалёку звучала зажигательная музыка, и ноги невольно двигались с ней в такт. Вновь подул уже прохладный ветер и пальмовые ветки принялись пританцовывать сначала быстро, затем нерасторопно, как будто засыпая. От чего-то мне стало весело. Это место было таким

спокойным – я в раю. Поглядишь налево – увидишь обво-
рожительную дорожку, усыпанную лепестками цветков; сза-
ди нас целая лужайка, на которой люди устраивают пикники
или занятия йогой, рисованием и даже игру на духовных ин-
струментах. Так и хочется лечь на зеленую траву и смотреть
на небо, разглядывая облака, думать о чём-то прекрасном,
мечтая отправиться в космос, чтобы поведать весь мир ра-
зом. Жаль, что в шестнадцать лет бескрайние лишь мечты,
а не возможности. Жизнь без забот хороша, но затем прихо-
дится вернуться в реальность, где только крошечная тьма и
боль. Как же хочется сбежать подальше от людей...

– Черт, я бы прямо сейчас нырнул в воду, – простонал
Алекс, облокотившись на скамейку.

Я кивнула и устремила свой взгляд на спокойный океан,
который так и убаюкивал всех вокруг. Кристально чистая во-
да позволяла видеть песок и камни на дне, где-то были за-
метны кораллы, а в дали течения. Вдруг я резко начала раз-
делять желание Алекса. Вернуть бы лето и переиграть бы все
моменты.

– О чем ты думаешь? – внезапно прервал мои мысли брю-
нет. Я повернулась к нему, поправляя очки.

– Думаю о том, как было бы прекрасно изменить про-
шрое...

Парень шмыгнул носом и перебросил ногу на ногу.

– Зачем?

– Чтобы избежать ошибок.

– Все так, как должно было быть. Жизнь штука обманчивая – ты делаешь один шаг, а она два, ты три, а она десять.

– Что ты хочешь этим сказать? – я поправила волосы за ухо. Мимо нас прошла женщина с ребенком, который что-то говорил о мармеладе. Заметив мой взгляд, малыш умолк. Да, дети всегда меня боялись.

– Что как бы мы не хотели обмануть судьбу, она всегда на шаг впереди нас.

Он прищурил глаза и задумчиво поглядел вперёд, наслаждаясь наступившей тишиной. Интересно, о чем он думает? Ему хорошо в моей компании? В голову врезались воспоминания о разговоре с мисс Крисберг о соли и сахаре. Нет, это абсурд! Это плохая идея. Но все же желание объясниться с ним появилось и оно не отпустит меня, пока не добьётся правды, какой бы она не была. По спине прошел холодный пот, а сердце поразил укол. Нет, нет, это безумие... Надо подождать. Ещё не время.

– Ты очень красивая в этом наряде, – украдкой пялится на меня приятель, отчего мои щёки в секунду покраснели. На душе стало так тепло и нежно, как первое майское утро, которое сулит о приходе бессонных ночей и радостных моментов.

– Спасибо, – я обнажила зубы в расплывчатой улыбке.

– Кит, мне... Сара мне кое-что сказала, – Алекс взглянул прямо мне в глаза, и казалось, что очки нашим гляделкам не препятствуют, что они просто пустышка.

Теперь мной управляет паника. Что она ему сказала?! В крови зашкаливает адреналин, а мысленно я дерусь с Бейкер и выигрываю поединок. Время остановилось. Я набираюсь смелости и пытаюсь промямлить любое словечко, ибо Харрис скривил какую-то недовольную гримасу. Значит, Сара сказала что-то плохое.

– Правда?.. Что? – наигранное спокойствие.

Он облизнул губы и почесал правую бровь. Пусть уже скажет. Чего мешкает?!

– Что ты о ком-то молчишь.

От его слов мне стало в миллион раз хуже. Я просто не знала что ответить. В горле застрял комоч слов, который не давал полноценно дышать, и на секунду мне показалось, что я начинаю задыхаться. Кругом все исчезло; остались только мы с ним. Я слышу как сильно бьется сердце в груди, переживая. В глазах застыл страх. Все происходит слишком быстро.

– Ч-что? – голос задрожал, но я прикрыла это за неловким смешком. – Вы там что, так много пили? Я не понимаю о чем она.

Парень недоверчиво прищурился. Судорожно выдыхаю. Так просто он от меня не отстанет. Я в полном дерьме.

– Ты врешь! – засмеялся ЛЧ.

– Нет! Честно!

– Да ты покраснела, как помидор! Давай колись, Кит!

Брюнет потрепал мои щёки, отчего лицо неприятно заныло. Пришлось отбиваться и дать ему кулаком в живот, тот

скрутился в клубок и кашлянул. Видимо не рассчитала меру удара. Меня охватило два чувства: 1) ему очень больно, ненавижу себя; 2) паника, поскольку я не знаю куда спрятаться, куда бежать и как себя вести.

Он не должен узнать все вот так. Сара Бейкер – ничтожество, которое лишь портит всем жизнь. Я в безвыходном положении.

– Алекс, я не знаю, что там себе напридумала твоя Сара Бейкер, но!.. – завелась я, как приятель меня перебивает.

– Она не моя.

Вот тут я сорвалась с цепи. Ладони сложились в кулак, а сердце неимоверно быстро забилося и из ушей готов был выйти пар. Меня всю трясёт...

– Не твоя значит?! А когда ты просил позвонить тебе ради показухи, казалось уж совсем наоборот! Вы так мило ворковали! – перевожу дыхание. Алекс туманно глядит в мои глаза, пытаюсь вспомнить момент, о котором пошла речь. Ха, дуручка включил! Ну почему людям так тяжело отвечать за свои поступки?! Я готова взорваться перед ним, но стиснув зубы, сижу и жду продолжение шоу... Как же неприятно.

– О чем это ты? Я не просил тебя ни о чем! – удивился Алекс, хмурия брови.

– Ох, наверное, мне это приснилось! Поиздеваться хотел надо мной?! Пошутить? Весело бы? Сара оценила? – последнюю фразу я выкрикнула. От боли стало слишком душно. Слезы наворачиваются на глаза, а все так хорошо начина-

лось. Боже, ну почему это все происходит со мной?! Мне становится мерзко от всей этой ситуации. И хочется, чтобы на меня свалилось небо. Эту боль невозможно описать. Фонтан эмоций... Приходится быстро моргать, чтобы парень не заметил пелену в глазах, которая вот-вот падет. Тем времен лицо брюнета помутнело; его скулы на лице затвердели, говоря о том, что Алекс раздражён. Отлично, без драмы не обойтись. Надо успокоиться. Держи себя в руках... надо считать до десяти... Один...

– Послушай меня, – начал Ал, – я не просил тебя перезвонить! – два... – Этого не было! Ты либо врешь, либо это какое-то недоразумение! – три. – И если даже, возможно, случайно набрал тебе, то какие проблемы?! – четыре... – Что тебя так обидело?!

Тишина. Он ждёт от меня объяснений. Я в тупике. Пять... шесть... семь...

– Я... – восемь...

– Кит, не молчи! Скажи мне, что тебя в этом взбесило?! – Алекс вскочил со скамьи. В глазах помутнело. Мне этого не вынести. Что придумать, что сказать?! Дерьмо, почему нельзя исчезнуть! Девять...

– Кит!!! – заорал Ал.

– Я заревновала тебя, ясно?! – десять.

Падение. Меня будто оглушили. В ушах звенит, в глазах темно... Я потерялась в пространстве и времени. По щеке прошлась первая, а затем вторая слеза. Сердце разбилось

вдребезги, и кажется, что внутри все почернело и сгнило. Черт подери, остановите эту планету. Это слишком сложно! Сама прыгнула в огонь, сама себя убила! Не влюбляйтесь, – это самоубийство, легче сразу приставить револьвер к сердцу.

Он смотрит на меня... И я понимаю, что совершила огромную оплошность. Господи, пусть это все окажется сном, я сплю. Это все нереально... Ну, пожалуйста!

Я много раз моргаю и выпускаю солёную воду. Больно – признаться и быть отвергнутой. Его глаза о многом говорят – в них пустота и смятение. Всё-таки это соль...

– Кит... – жалостливо прошептал Алекс, и я ощутила между нами колоссальную дистанцию. Что же я наделала?

– Нет! Молчи, прошу тебя, ничего не говори... – проронила я.

Больше не могу держать все в себе. Ветер усилился и ударил прохладной пощечиной меня по лицу. Но ту боль, которую я испытываю, не сравнить ни с чем. Такое странное состояние, будто я мертва, но каким-то специфическим образом брожу по земле. Следующее, что я делаю – убегаю прочь. Куда угодно, лишь бы подальше от него. Бегу быстро, что есть силы... Бегу и бегу, проливая слезы.

– Кит! – слышу где-то позади. – Кит, стой! Кит!

Но я продолжаю бежать не от человека, а от чувств к нему. Это финал.

Глава 5

Когда думаешь о самоубийстве, тебе кажется это правильным. Ты думаешь, что так и должно быть, это выход. Ты представляешь место, время и способ суицида; думаешь во что будешь одета и с кем первым станешь прощаться. Позвонить, отправить сообщение или же оставить предсмертную записку, в которой полстраницы займёт грустная история любви? Затем в твою голову влезают картинки похорон; бледное лицо мамы, крики папы, который станет винить себя за то, что не смог быть рядом со своим ребёнком и уберечь его от беды. Сразу становится паршиво. Потом начинается хаос – люди делятся на два типа: 1) она покончила с собой, потому что была психически больна; 2) бедная девушка, такая молодая, но глупая...

Каждый будет нести свою версию произошедшего, но всем будет плевать на правду. Им все равно – обидел ли тебя кто-то, избил, полил грязью, напал с ножом. Людям плевать друг на друга, но, когда кто-то из них попадает в беду, они начинают звать на помощь и требовать понимания. Сколько нужно кричать о том, что подростковое самоубийство – не способ обратить на себя внимание, а зов о помощи. Эй, ребята, пожалуйста, посмотрите на меня, я умираю!

Если твой друг или родной человек склонен к суициду – не осуждай его, а помоги. Каждый из нас заслуживает быть

выслушанным. Невозможно молчать о боли, ведь в конечном счете она нас поработит.

В своей жизни я думаю о самоубийстве в третий раз. Лишь задумывалась, но не действовала. Сейчас, когда вокруг зябко и холодно, когда свет погас и наступила тьма, я раздумывала об этом. Какая это пустота, но лучше так, чем бесконечно задыхаться от боли. Алекс понял, что он мне нравится. И это стало концом всей истории, которая не успела даже начаться. Это как сочинение без логической цепочки, типа: «Снег пошёл, потому что дул ветер».

Прибежав вечером домой в слезах, я прыгнула на кровать и зарылась под одеяло. В детстве оно спасало меня от всех невзгод, так, может быть, и сейчас укроет от боли? Нет, не получится. Я плакала что есть мочи, чтобы избавиться от тяжести на груди, но ничего не выходило. Мне хотелось затопить слезами весь мир, всю вселенную; хотела, чтобы хоть кто-то понял как мне больно. Чувства... к черту их. Любвью можно сначала морально, а затем физически уничтожить человека. В голове не укладывается... Трудно говорить о своих чувствах к человеку, когда они не взаимны. От жгучей обиды, переполняющей меня, я полопала все воздушные шары и разбросала их «трупы» по всей комнате, как напоминание о том, что всех нас ждёт такая печальная участь. Рано или поздно и мы будем кем-то уничтожены. Затем я начала выдумывать разные моменты, в которых, раз за разом, вскрывала вены или вешалась, или прыгала с крыши, думая

будет ли Алекс сожалеть? Будет ли он плакать или грустить, поймёт ли парень, что фактически убил меня своим молчанием. Эта мимика так и застыла перед глазами: изумленное и смутившееся лицо, приоткрытый рот, застывшие на месте глаза, хмурые брови, выражающие жалость. Противно... Впервые меня тошнит от Ала, впервые мне не хочется с ним видиться. Моя любовь для него самая противная на свете вещь? Ну почему все так нечестно?! Почему те, кого любим мы, не любят нас?! Никогда не понимала этого...

Мной управляет паника и страх. Боюсь вступить на порог школы и услышать дикий смех со стороны одноклассников, которые после продолжительного хохота стали бы бросаться гнилыми помидорами. А особенно, не то чтобы боюсь, а ужасаюсь взглянуть в глаза Саре Бейкер – в них будет крошечная тьма с долей «так тебе и надо». Возможно Алекс попробовал бы меня поддержать и даже бы затыкал рот Бейкер, однако не от всей грязи можно отмыться.

Я всегда завидовала котам. Думала, почему я человек, а не этот очень симпатичный комок шерсти; к тому же у кошек, как говорят в народе, девять жизней. Живой пример того, как написать свою историю с чистого листа. Вот бы сейчас превратиться в кота и убежать из дома, из города, из штата, планеты. Плюнуть на Ала, забыть об учебе и сбежать. Изредка хочется послать весь мир к черту и делать то, что хочется. Но если я начну это делать, то меня посадят в колумбийскую тюрьму, где я начну употреблять наркотики и ругаться пло-

хими словами. Мир – дерьмо; мы с вами буквально в дерьме. Черт, как же не хочется открывать глаза и жить. Просто хочется валяться дома, есть чипсы, играть в видеоигры, в конце концов, читать любовные романы или фантастику, а не все это. Однако...

За окном, где ещё вчера были воздушные шарик, светит яркое солнце, которое будто специально пытается поднять мне настроение, типа: «Давай же, улыбнись, я заплачу тебе сто баксов, только улыбнись!»; бледно-голубое небо запачкано белыми пятнышками облаков, в которых лавируют птицы над землёй, наслаждаясь полной свободой. Ах, да, я бы не прочь ещё бы стать птицей... Но опять же – мечты на то и есть мечты – им не суждено сбываться.

Дверь в мою комнату распахнулась. Папа, поправляя горлышко чёрного свитера заходит в комнату и с любопытством разглядывает её, словно пытаюсь найти то, что я здесь прячу: сигареты, например, бездомного котёнка или ружьё. Затем его немного сонный взгляд устремился ко мне.

– Тебя отвезти в школу? – откашлялся тот.

– Нет, хочу прогуляться, – завязывая волосы в узелок, отвечаю я и отворачиваюсь.

На самом деле, мне просто хотелось растянуть время как только это было возможно. В голове витала идея притвориться больной и не пойти на учебу, но мои родители и в снег, и в Третью Мировую войну и в конец света отправят меня в школу. Ручаюсь, попав под машину и находясь при смер-

ти, мама на каталке отвезёт моё спящее тело в кабинет химии, чтобы её дочь написала тест. Иначе выражаясь, родители плохо реагируют на мои прогулы.

За спиной я все ещё ощущала присутствие отца в комнате и его тяжёлый взгляд. Страх парализовал мои конечности. Я неаккуратно складываю мятые вещи на стул, а затем вновь бросаю их на паркет, сортируя «годно» или «срочно в экспресс стирку». Поправив очки на кончике носа, я схватилась за синий кожаный рюкзак и перекинула его через плечо. Папа встрепенулся.

– Вчера я приехал поздно, ты уже спала, но как прошёл твой праздник? – его улыбка, которая наверняка хотела показать поддержку, ещё больше добила меня, и отец это заметил, отчего сразу сменил выражение лица. Протяжённый вздох.

– Не было никакого праздника, пап.

Он всполошился. Странно...

– А твоя мама сказала, что ты с каким-то мальчиком ушла из дома, разве?..

Я резко перебиваю папу, опасаясь услышать это имя:

– Нет! В смысле, он просто пришёл поздравить меня... – чувствую как краснею, и это адски убивает.

Папа хмыкнул и почесал бородку. Его голубые глаза будто сканируют меня, пытаюсь найти ложь. Но увы, все мною сказанное правда, почти...

– А эту подвеску он тебе подарил? – вопрос отца застал

меня врасплох, я резко ухватила за цепочку и вновь засму- щалась.

В груди так холодно. Если вчера его подарок доставлял мне радость, то сегодня оно лишь напоминает о минувших часах, наполненных болью и разочарованием. Неожиданно для самой себя мне захотелось снять эту цепочку с китом и выбросить в окно, но я не могла. Моя привязанность к человеку слишком крепка, и это делает меня жалкой. Я плююсь тупо в пол и не могу дать ответ отцу, который смотрит в мою сторону изучающим взглядом. Думаю, родители сразу чувствуют, когда с их ребёнком что-то не то. Так вот, это не про моих предков. Даже если ходить с картонкой «ХОЧУ СДОХ- НУТЬ» они ничего не заметят. Им кажется, будто все хорошо, словно у меня нет причин, чтобы думать о смерти. А ведь причины не нужны, нужен лишь повод.

– Эй, ты чего замерла? – папа машет перед моим застыв- шим лицом руками. Глаза вмиг начинают моргать.

– Что?

– Говорю красивая подвеска.

К горлу подобрался ком.

– Спасибо, па...

* * *

Всего лишь на секунду мне показалось, что все будет хо- рошо. Всего на секунду. И эта секунда оказалась самой лжи- вой секундой в моей жизни. Я стала думать о том, что меня

ждёт в школе. Предметы, самой собой, Сара и Алекс. О, как непредсказуем мир – вчера ты его любишь, сегодня уже нет. И знаете, было бы чертовски классно, но увы, я его люблю. Я его люблю вчера, сегодня, завтра.

Улица полна машинных сигналов. Кругом люди в деловых костюмах, с кофе и газетой в руке, пытаюсь узнать о новых сплетнях и принять завтрак одновременно. Кто-то травится утренним хот-догом, кто-то сидит в кафе и уплетает традиционный завтрак, а кто-то, как я, считает завтраком жвачку со вкусом черешни. Судя по тому, что в желудке у меня поют киты, я все ещё голодна, даже хуже, мой аппетит не на шутку разыгрался. Подул легкий ветерок, от которого листья на тротуаре подлетели вверх, точно также, как и мои волосы, превратившиеся на мгновение в щупальца, как при подводном плавании. Порой бывает, когда на душе грустно, я начинаю думать; на ум приходят небывалые мысли, и если бы люди могли их слышать, то приняли бы меня за сумасшедшую. Например, существуют ли инопланетяне? Коли да, то почему я их никогда не видела? Или, быть может, они боятся людей. Наверное, потому, что сверху, с космоса, при помощи супер бинокля, видели как разругалось человечество: рабство, захват территорий, холодные войны, убийства, заговоры, Первая Мировая война, появление фашизма, Вторая Мировая война, ядерные бомбы... Инопланетная раса считает нас извергами, и я их прекрасно понимаю. Может, прямо сейчас они следят за нами, за мной? От этой мыс-

ли я поглядела на небо, пытаюсь найти доказательство своих убеждений. Но ничего. Лишь пара тройка перистых облаков. Хм, а ведь, если вдруг, инопланетяне захотят меня похитить, надо хорошо выглядеть и быть соответственно одетой. Надо причесаться, помыть зубы, сменить белье, а главное, улыбаться. Это странно, что я так думаю? Мне кажется, что в этом мире быть странным менее странно, чем любое другое проявление. И вообще, кто это выдумал – понятие «странность»? И почему люди считают странным то, что не делают они сами. Например, если я буду есть не хлеб с колбасой, а колбасу с хлебом, это странно? Или вот ещё, буду на завтрак есть мороженое, а на ужин яичницу, странно? Ну почему люди относятся с брезгливостью тем, кто хоть немного отличается от них? Вот это вот как раз и странно!

С этими мыслями я перебежала улицу и была в четырёх шагах от «Уост-Игл», в котором уже идут занятия. Отлично, не буду говорить с Алексом хотя бы один урок... Ох, черт! Мы же сидим за одной партой!

Я буквально перелетала ступеньки и уже бежала к нужному кабинету, а именно к кабинету алгебры. Пробегаю по скользкому полу с табличкой «не бегать!» и резко останавливаюсь, когда вижу нашу школьную уборщицу, которая согнувшись моет кафель. Я чуть ли не сбиваю её с ног, но успеваю затормозить, хоть и сама падаю на влажный пол, отчего очки на носу чуть ли не долетают до потолка. На некоторое время я перестала чувствовать все ниже бёдер. От боли

я стиснула зубы, но нашла силы, чтобы подняться. Неуклюжесть и невезение в одном флаконе...

– Девушка, для кого написано?! Не бегать! – недовольно прорычала женщина в синем халате и перчатках. Её чёрные волосы держатся на леопардовой заколке и от неё пахло моющим средством, а именно лимонным. Я скривила неловкую гримасу, массируя больное место и тяжело простонала.

– Простите, я очень спешу, – отвечаю я и делаю шаг, как внезапно, теряю ориентацию и чуть ли опять не падаю. Уборщица ахнула, но замерла на месте. Все произошло слишком быстро, однако, я все ещё стою на ногах. От чего-то мне стало даже смешно, и я слегка улыбнулась.

– Господи, да аккуратней ты, неладная! – закричала та, развернувшись ко мне спиной.

Поправив чёрную оправу очков, а на плече рюкзак, мои ноги снова были в движении.

И вот, передо мной дверь в кабинет алгебры. Перевожу учащенное дыхание, стараясь успокоиться и вести себя как обычно, не вызывая подозрений. Снаружи все тихо, а внутри у меня ураган. Черт, черт, черт! Как мне себя вести с Алом? Что сказать? Попросить прощение? Вихрь мыслей сбил с толку, я не могу собраться. Мне очень страшно. Ладно, надо быть сильной, как учил папа, всегда улыбаться. Так и поступим.

Сложив руку в кулачок, я постучалась об дверь и открыла её, зайдя в класс, где все сразу устремили своё внимание к

неожиданному гостю – ко мне. Слышу крик сердца, требующего удрать отсюда и жар в груди. Мисс Флинн, педагог по алгебре, женщина средних лет строго и с вызовом взглянула на меня, оторвавшись от зеленой доски. Она недолго молчит (но уверена, внутри рвёт и мечет), а затем небрежно бросив мел на учительский стол, женщина тонким голосом заговорила:

– Стеллар, ты бы ещё завтра пришла. Присаживайся, я тебя уже отметила, – невнятно отрезала она и присела за стол, поправляя зелёный жакет.

Мне никогда не нравилась алгебра, как и сам учитель. Спешу сообщить, что весь педагогический состав меня ненавидит и мечтает вышвырнуть со школы. Уверена, они ещё и клуб создали в мою честь, в котором собираются, пьют кофе и обсуждают моё поведение, оценки и внешний вид. Типа: «Ой, вы видели эту кикимору? Невоспитанная девчонка!», «Эта Стеллар много на себя берет!», «Сжечь её, сжечь», «Давайте понаставим ей плохих оценок и пусть валит отсюда!». Было бы очень мило...

Смотрю вниз и так прохожу к своему месту, за которым никого не было. Ха, Алекс не пришёл! Какой смелый однако. Побоялся посмотреть мне в глаза после вчерашнего... Какой трус! Этот факт ещё больше меня огорчил и обидел. Я чувствую жжение; пламя будто меня поедает, я горю... В голове лишь мысли о том, что Алекс испугался моих слов. Не верится... Смотрю по сторонам. Сара Бейкер в ярко-желтом пла-

ть сидит и жуёт жвачную резинку. Выглядит она вульгарно и мерзко. Что мальчики в ней находят, не понимаю. У неё только внешность! Ни ума, ни внутреннего мира, ни-че-го.

– Кит, достань тетрадь, начни делать записи. У нас новая тема, – обращается ко мне мисс Флинн, возвратив тем самым на землю.

Её обращение для меня подействовало как энергетик. Поступаю так, как женщина велит. Вообще, мне даже не тревожно, когда я пропускаю какую-нибудь тему по алгебре, физике или химии, ибо в любом случае ничего не пойму, а если и пойму, то все равно не смогу решить. Обвожу кабинет взглядом. Помещение просторное, здесь умещается шкафчик с различными приборами для решения тригонометрических задач, огромный циркуль, линейки и, как мне кажется, для красоты, огромные песочные часы. Хотя, мисс Флинн обещала провести самостоятельную работу, где ученики будут выходить к доске и отвечать формулы, и судьей тому будут песочные часы. Иногда горю желанием разбить эти часики. На зелёной доске выцарапана тема и какие-то новые способы решения примеров, а чуть ниже написаны формулы, которые взяты в неровный квадрат. Вновь повернула голову к пустующему месту Алекса и почувствовала тоску на сердце. Испугался моих чувств... Значит, я ему точно не нравлюсь. Что же ты наделала, глупая овца?! Как могла среагировать на игру Сары, которая сейчас довольно улыбается, украдкой смотря в мою сторону. Неужели она говорила

с Харрисом? В горле застряла злость; неопишное желание закричать во весь голос и утонуть в собственных слезах. Как нечестно!

Рокси, грызя ручку, слушает лекцию учительницы и записывает правила в тетрадку. Её непослушные волосы собраны в пучок, и возникает ощущение, что девушка даже их не расчесывала. Интересно, она на меня обижена? Я решила это проверить, поэтому дергаю одноклассницу за красную кофточку, пытаясь привлечь её внимание. Спустя секунду Рокси повернулась ко мне полубоком. Хороший знак.

– А где Алекс? – шёпотом спрашиваю я. Лицо подружки было таким сонным и вялым, будто она всю ночь разгружала продукты в магазине. Вокруг глаз у девушки синяки, лицо отёкшее, а губы сухие. Может, что-то случилось, а я ей своим Алом докучаю?

Облизав губу, Рокси шепотом отвечает:

– Не знаю. Где ты вчера была? Мы тебя ждали на заднем дворе Алекса!

Внутри что-то щелкнуло. Я с недоумением прищурила глаза. Миллион вопросов в уме, но мне не удаётся их сформулировать.

– Что? Кто это «мы»?

Рокси хотела было ответить, как её перебил рассерженный голос мисс Флинн:

– Кит Стеллар, мало того, что ты опоздала, так ещё и другим мешаешь слушать?! Все внимание к доске! – от этого

полукрика мне стало хуже.

Учительница вновь повернулась к классу спиной и продолжила говорить об играках и об иксах, осознавая, что всем на это глубоко плевать. Уверена, учителя алгебры и сами знают о том, что их предмет в будущем нам не пригодится, но все равно повторяют «вот увидите, мой предмет вам понадобится».

Моя рука вторично дёргает Рокси, и та легонько поворачивается.

– Так кто «мы»? – поинтересовалась я, не скрывая грустных эмоций. Девушка поправила кофточку.

– Мы с Алексом устроили для тебя вечеринку у него во дворе, ты не знала? – я покачала головой, умалчивая обиду. – Но ни тебя, ни его мы не дождались. Сами тусовались. Как понимаю, вы хорошо провели время вместе?

На душе такая тяжесть. Не могу выдавить из себя даже вздох. Боже, я, как обычно, все испортила... Как я могла так ошибаться?! От боли стало душно, я облокотилась на стул и схватилась за лоб. Так где же Алекс был, если вчера он не вернулся домой? Боже... А если с ним что-то произошло: сбита машина, напали хулиганы или пьяные люди?.. Я не прощу себе этого. Паника – отличный товарищ воображения, ибо смешавшись, они образуют отличный фильм ужасов.

– Кит, ты чего? – Рокси, нахмутив брови, повернулась ко мне всем телом.

– Мы с Алом повздорили...

– Что? Почему?

– Он узнал...

Не успев ничего сказать, я заметила нависшую тень над партой; эта была мисс Флинн. Её пылающие злостью глаза прямо-таки пожирают меня, а гнев обещает выплеснуться самым худшим образом. Тут стало ясно, что я заработала себе проблемы на голову. Учительница сложила руки на груди и язвительно улыбнулась, как и все отрицательные героини из мультфильмов.

– Кит, остаёшься после уроков, – заключила женщина и сделала уверенные шаги к доске.

– Но почему?! Я же ничего не сделала!

Её физиономия сморщилась до неузнаваемости, как изюм, который я ненавижу всем сердцем. Вообще-то, мне на ум пришла идея сортировать учителей по фруктам, которые мне нравятся или же нет: Мистер Одли, учитель по физической культуре, будет яблоком, миссис Геккер, педагог по анатомии, апельсин, а вот, например, миссис Ойербах чернослив, потому что я их обоих не выношу.

– Ты опоздала на мой урок на десять минут, ты отвлекаешь учеников и не даёшь объяснять мне тему! Думаю, этого достаточно, не говоря уже о твоём отвратительном поведении и успеваемости!

Ох, ну конечно, перевернула все с ног на голову; она жертва, а я самая большая ошибка человечества. Несправедливо.

– Ясно, – отрезала я, понимая, что учитель «всегда прав», хоть это редко, когда правда.

– Это все, что ты хочешь мне сказать? А как же «простите, я больше так не буду»? – Флинн приподняла левую бровь. Боковым зрением замечаю лица одноклассников: кто-то доволен моим положением, кому-то все равно, а меньшинство с сочувствием переживает этот концерт. Я глубоко вздохнула.

– Да, это все, что я хотела сказать.

Женщина хмыкнула.

– Ладно, пусть так, – она в очередной раз отворачивается.

Господи, как же эта жаба меня разозлила. Из-за какого-то пустяка оставить после занятий, кошмар! Меня переполняют чувства обиды и отчаяния. Жизнь рушится на глазах, и я не в силах этому препятствовать. Когда ты понимаешь, что все зависит от тебя, становится хуже, ибо ты осознаешь, что ничего не можешь. Ты бессилен. Я просто хочу прикрыть веки, откинуть голову назад и спрыгнуть с высоты, и лететь, пока не упаду. Эти дни извели меня. Кто сказал, что жизнь подростка – рай? Это самый, что есть настоящий ад. Мы горим каждый день, горим! Жизнь – это сцена, а ты в ней декорация. Как вам такая правда?

* * *

Женский сортир в нашей школе похож на помойку в самом бедном квартале США. Здесь грязно, дурно пахнет, а

стены исписаны всякими подростковыми сплетнями, как в жёлтой прессе. Я здесь одна. За белой дверью слышны голоса мимо проходящих людей. Их так много. Бывает ли так, что в собственной школе ты чужачка? Отшельник. Тень.

Таких людей обычно унижают и сторонятся. Благо, пока что со мной никто как с мусором не обращается, но это временно. Я смотрю на себя в зеркало и вижу испуганную девочку, которая потеряла лучшего друга из-за чувств к нему. Любовь – это то, что следует избегать в жизни, ибо она либо причиняет боль тебе, либо тому, кем ты дорожишь. Алекс поступил верно – он сбежал, и я сбегу. При встрече с ним скажу: «Ты купился? Это был розыгрыш! Смешно, правда?», и хлопну его по плечу. Да, выглядело это все очень правдоподобно. Если бы любовь была игрушкой, я бы её давно сломала. Многие сказали бы мне «спасибо». Моё отражение такое безжизненное, словно я побывала в камере пыток. Настал тот период жизни, когда хочется в себе что-то изменить. Купить контактные линзы? Поменять причёску? Бедные руки распустили, а затем взъерошили каштановые волосы, доходившие до плеч. Черт, я похожа на шизофреника. Двумя руками приподнимаю пряди до подбородка... Нет, это бред, мама меня убьёт. Для неё волосы – это эталон красоты.

Выдохнув, я завязала в слабый узелок пряди и улыбнулась. Такая неправдоподобная улыбка, типа «все хорошо, но сейчас меня скормят пираньям на десерт». Вдруг до ушей дошёл рингтон моего мобильного. Вытаскиваю его из карма-

на и вижу имя, от которого в венах застыла кровь. Боже... Одна моя часть хочет ответить этому человеку, но вторая категорически против. Алекс названивал долго, но в итоге, сдался. Меня захлёстывают эмоции. Зачем этот человек звонил? Я хочу забыть его, забыть навсегда! Человека тяжело прогнать не из головы, а из сердца. В который раз убеждаюсь в этом. Пока он живёт в моем сердце, мне его не забыть. Глупое сердце!

В помещение кто-то залетает, и я машинально прячу сотовый телефон в карман. Эта была Рокси. Девушка явно искала меня, и неудивительно.

– Вот ты где! – воскликнула с облегчением подруга. Я кивнула. – Так что же стряслось?

По спине прошёлся холодок, когда в голову ударили воспоминания из вчерашнего вечера. Эти слова, крики, слезы... Столько боли за один день. Собравшись с силами, я все же в мельчайших подробностях рассказала Рокси нашу ссору с Алексом. В конце рассказа, как мне думалось, подруга начнёт вопить и жалеть меня, но... Она лишь сказала: «Так-с, понятно». Видимо, я слишком утрирую. Возможно, не все так печально, как кажется?

– Кит, ты его огорошила! Чего же ты от него ждала? Что он наденет смокинг, повезёт тебя в Лас-Вегас и женится на тебе? Размечталась! – иронично добавила темноволосая.

Её слова немного задели меня, но я притворилась, что все отлично. Впрочем, как всегда. Уметь скрывать печаль – уже

искусство.

– Нет, я думала, что он...

– ...Признается тебе в своих чувствах? Знаешь в чем твоя проблема?

– В чем же?

– Ты слишком много мечтаешь и начинаешь верить в свои грёзы, не понимая, что реальность во многом отличается. Ты должна была понять, что Алекс в тебя не влюблён!

Слова Рокси впились в мою грудь подобно кинжалу с ядом. Внутри стало так холодно, будто я умираю изнутри. Мне резко захотелось заплакать и раствориться в воздухе на мельчайшие атомы. Знаю, что подруга полностью права. Да, я все выдумала и поверила в свою же ложь. Реальность – это кнопка разрушения всех твоих грёз. И только что Рокси нажала на эту кнопку. Я смотрю на неё уже достаточно долго, не моргая, и не двигаюсь с места. В горле застряли слова и целые предложения. Черт, как же в груди колко.

– Ты только не обижайся, – продолжает девушка, грустно поглядев в пол.

Обычно, когда люди говорят «только не обижайся» значит, что сейчас будет очень больно. Я к этому новому удару не готова.

– Говори... – сквозь стиснутые зубы бросила я.

– Но Алексу ты не нравишься, ему нравится Сара Бейкер...

Вот и все, шах и мат. На меня будто вылили кипяток воды.

Все горит. Я еле сдерживаю крик застрявший в солнечном сплетении. Ещё мгновение и железный барьер в глазах падет, тогда слезы охватят все моё лицо. Прикусив нижнюю губу, я делаю несколько шагов назад и прислоняюсь всем телом к стенке. Как странно: всего один человек, а столько горячи... Моё сердце готово разорваться на кусочки. Жаль нельзя отключить чувства и стать бездушным монстром. Чувствую во рту вкус железа; я прокусила губу до крови, забавно... Надо сосчитать до десяти и успокоится. Один, два, три, четыре...

– Кит, ты в порядке? – занервничала подруга.

Пять, шесть, семь...

– Как можно быть в порядке, когда ты только что узнала о том, что тот кого ты любишь, дышит другой?!

– Мне очень жаль, но лучше знать правду и идти дальше, чем верить в ложь, я не права?

Восемь, девять, десять...

Тут пришлось задуматься. Мне хотелось, чтобы Рокси продолжала говорить, ибо, если наступит тишина, я услышу самые болезненные размышления. Люди лгут, говоря, что в тишине ничего нет – в тишине живут наши самые безумные мысли. Их можно услышать только, когда слишком больно. И я их слышу...

* * *

Время уже около трёх часов дня. Я нахожусь в кабинете алгебры вместе с мисс Флинн. Она сидит за учительским

столом и проверяет тесты, а я царапаю мелом по доске слова «дисциплина» и «контроль». Раз за разом. Одно и то же. Практически вся доска исписана этими словами: дисциплина, контроль, дисциплина, контроль, дисциплина, контроль.

И самое ужасное не то, что я сейчас пишу какую-то чертовщину, а то, что пишу я это в полной тишине. Мысли развязались. Я стала думать о том, как глупо выглядела перед глазами Алекса, ведь ему нравится Сара Бейкер. Вспоминаю день кинокомедии в доме Харрисов; Ал клялся, что он к блондинке равнодушен, но солгал... Лучшему другу солгал! Возможно, если бы брюнет признался, все было бы иначе. Это не даёт мне покоя. На мгновение моя рука перестала писать заданные мисс Флинн слова, и я застыла на месте. Слышу лишь биение сердца: тук-тук-тук, тук-тук-тук.

– И почему ты остановилась? – не оборачиваясь, строго спросила учительница, поправляя стопку бумаг.

Ничего не ответив, я продолжила писать. Как же иногда хочется дать ей в нос... Прошло минуты две. Вся доска была исписана, а моя рука невероятно ныла. Стряхнув с ладоней мел, поправив очки, я подошла к столу, за которым сидела Флинн и замерла в ожидании её монолога о плохом поведении. Наверняка все это закончится визитом моих родителей в школу.

– Закончила? – взглянула на меня мисс Флинн, а затем, не дожидаясь ответа, развернулась к доске, одобрительно мыча.

– Как видите, – сказала я.

Женщина вновь посмотрела на меня взглядом голодного питона. Замираю.

– Ты хоть какой-то вынесла урок, Стеллар?

– Конечно. На вашем уроке мне лучше помалкивать, – хмыкнув, иронично заметила я. Флинн промолчала и поправила зелёный жакет.

– Кит, на своих уроках я требую стопроцентного внимания! Требую порядка! Дисциплины! – на пальцах показала учительница, сбросив брови вверх. – Ты ведёшь себя безобразно, а ведь твои оценки желают быть лучше! Неужели тебя это не волнует?

– Нет, мне все равно на оценки, – призналась я.

Мисс Флинн сложила руки на стол, громко и устало выдыхая, будто она уже три часа пытается научить собаку говорить, что вряд ли может быть возможным.

– Знаешь, что я ценю в людях? Порядок. Порядок – это, когда человек ведёт свой образ жизни по правилам: проснулся, умылся, поел и отправился на работу. В этих правилах есть и подправила, например: ты проснулся, тебе нужно застелить кровать, сбить подушки. Или ты пришёл на работу, твоя цель достичь наилучшего результата! А в твоём случае, Кит, надо внимательно слушать учителя и хорошо учиться, понимаешь меня?

Этот монолог вгонял меня в сон. Вообще-то, даже немного жаль мисс Флинн, ибо жить так, как она говорит, лучше вовсе не жить. Этот график, правила, чушь какая-то... А как

же чувства, эмоции? Я этого не понимала.

– Я думаю, что вы не правы, – произношу я уверенно и складываю руки на груди. Мои слова застали женщину врасплох. Она и не думала, что я начну выступать. Что ж, время удивлять.

– Что прости?

– Если жить, как вы говорите, по графику, то можно свихнуться. Человек должен выходить за рамки, это и есть жизнь. Надо что-то иногда нарушать, в том числе и дисциплину, чтобы вынести урок из той или иной ситуации. Надо мечтать, строить грандиозные планы на будущее, а не полагаться на какой-то график. Мы же не роботы, в конце концов.

Мисс Флинн удивленно и оценивающе посмотрела на меня. Думаю, мои слова впечатлили её или же нет...

– Стеллар, мечты – это человеческие предрассудки! Для того, чтобы достичь грандиозных результатов, как ты говоришь, не мечтать надо, а действовать. Работать, нужно работать! А чтобы работать, надо сначала выучиться, а чтобы выучиться, надо слушать учителя, Кит! Мечты... Господи, ты же взрослая девушка, а думаешь как младенец! Вытряхни все ненужные мысли из головы и настройся на учебу, оценки. На моем уроке не надо думать о посторонних вещах, только лишь алгебра! Поняла? – начала было кричать Флинн. Я наклонила голову вниз и легонько кивнула. Да уж, она фанатик своего дела, даже жутковато...

– Мне можно идти? – откашлялась я.

– Иди.

Ноги быстро привели меня к парте, где лежал мой собранный рюкзак; я надела его на плечи и направилась к двери, думая о свободе. Хочу было дернуть за ручку, но тут меня что-то останавливает. Я оборачиваюсь всем телом к педагогу, которая перебирает бумажки и грустно наблюдаю за ней. Черт, что же я делаю...

– Мисс Флинн, можно нескромный вопрос? – негромко произнесла я.

Женщина немного подумав, отвечает:

– Да.

– У вас есть муж, дети?

Казалось, что прямо сейчас она пошлёт меня на все четыре стороны. Однако глубоко вздохнув и вероятно успокоившись, мисс Флинн немного грустновато отвечает:

– Нет, Стеллар, нет.

– Мисс Флинн, если бы у вас были бы дети, вы бы и от них требовали жить по графику и правилам? Запрещали бы мечтать? Ругали за то, что они по ночам ели много сладкого? Вы бы тоже от них требовали лишь математические знания, а не хорошее отношение к окружающим?

Мой вопрос её озадачил и привёл в ступор. Женщина держит в руках бумаги и грустно смотрит куда-то вперёд. Я заключительно хмыкаю и покидаю кабинет алгебры с высоко поднятой головой. Надеюсь, мисс Флинн признает правоту моих слов и изменит своё отношение к миру.

Пройдя несколько метров по пустующим коридорам школы, я начала болтать сама с собой, проигрывая все то, что сейчас было: меняю предложение, выдумываю новый монолог, ругаюсь по новой с мисс Флинн. В венах течёт адреналин, который выделился во время спора. Я чувствую себя замечательно, ибо была полностью права, даже сама учительница это подтвердила своим молчанием. Быстрыми шагами несусь в гардеробную, как из ниоткуда выходит какой-то человек, в которого я и врезаюсь головой. От неожиданности все тело оцепенело. Время будто остановилось вокруг меня. Я медленно поднимаю голову и вижу лицо очень знакомого парня. И тут взорвалась бомба. Мои глаза округлись и готовы были выкатиться из орбит, а по телу прошлись мурашки. Почему жизнь подкладывает мне свинью?! Сердце перестало биться.

– Алекс...

– Кит...

Мы это произнесли одновременно, как бывает обычно в фильмах. Его появление было непредсказуемым, как снег в июне, как выигрыш в лотереи. Парень взъерошил волосы и поглядел по сторонам, словно он потерял кого-то и пытается отыскать. Не могу перестать смотреть на него... Он такой красивый. Я только заметила тот факт, что Ал во вчерашней одежде. Правда значит, не ночевал дома... Где же тогда был? Как же хочется его обнять...

– Думаю, нам надо поговорить, – выдохнул он.

Я одобрительно кивнула, пряча от него глаза.
Всё-таки не сбежать...

* * *

Мы прошли в спортзал, где обычно проводят урок физкультуры или баскетбольный матч. За весь путь никто не выронил ни одного слова. А что сказать? Парень, наверное, раздумывает над своей речью, над тем, как преподнести то, что я и так уже знаю. Он думает как меня поэлегантнее отшить, чтобы в моих глазах остаться героем и попробовать сохранить дружбу. А я, в свою очередь, обдумываю мимику, взгляд, ответ. В эту секунду все должно решиться – будем ли мы друзьями или же нет. От мысли, что я навсегда могу потерять его, становится худо. Человека, как и доверие легко потерять, это безвозвратно.

Мы проходим к пустующим трибунам. Вокруг ни души. Я усаживаюсь за первое попавшее место и отрывисто выдыхаю; моему примеру поступает и Алекс. Вот она, финишная прямая. Сейчас начнётся неприятный для нас обоих разговор. Черт побери, кто тянул меня за язык?! Вот мы сели, а дальше лишь молчание. Брюнет сложил руки на коленях и осматривает все помещение. Однозначно он тянет время, но от разговора не сбежать. От нервов я начинаю играть с пальцами рук, то ли вытягивая их, то ли скрючивая. В груди все замерло, и кажется, время тоже остановилось. Тут я вспоминала мисс Крисберг. Чтобы посоветовала старушка? Быть терпе-

ливой, открытой или же резкой? Надо к ней заглянуть в гости, послушаться добрых советов. Порой кажется, что только старушка способна меня понять и утешить... Она мой друг.

Обхватываю спортзал глазами. Здесь довольно уютно: белые трибуны, чистый, сверкающий на солнце пол, большие и широкие окна. Судя по всему, некоторое время назад здесь проводилась тренировка, а иначе как объяснить валяющиеся в углах мячи.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.

•
«Хладнокровное убийство» Трумен Капоте.